

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

Д. В. Козлов, О. Л. Воронин

**Историческая проза
в контексте советской эпохи
(послевоенный советский
исторический роман)**

Учебное пособие

УДК 8(47).09-311.6(075.8)
ББК 83.3(2)я73
К59

Печатается по решению ученого совета
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р филос. наук *А. Е. Смирнов*;
д-р ист. наук *Ю. А. Петрушин*

К59 **Козлов Д. В.**

Историческая проза в контексте советской эпохи
(послевоенный советский исторический роман) : учеб.
пособие / Д. В. Козлов, О. Л. Воронин. – Иркутск : Изд-во
ИГУ, 2013. – 98 с.

ISBN 978-5-9624-0980-1

Настоящее учебное пособие составлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Пособие продолжает тему анализа исторической прозы как источника разнообразных интерпретаций исторических событий. В рамках такого подхода рассматриваются различные произведения послевоенной советской исторической прозы.

Предназначено для студентов исторического факультета ИГУ и для всех, кто интересуется историей.

УДК 8(47).09-311.6(075.8)
ББК 83.3 (2)я73

Учебное издание

Козлов Дмитрий Викторович, Воронин Олег Львович
Историческая проза в контексте советской эпохи
(послевоенный советский исторический роман)

Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

*В оформлении обложки книги использована репродукция картины
Э. В. Булатова «Горизонт» (1972 г.)*

Темплан 2013 г. Поз. 207

Подписано в печать 27.12.2013. Формат 60×90 1/6
Уч.-изд. 4,6. Усл.-печ. л. 6,1. Тираж 100 экз. Заказ 194
Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0980-1

© Козлов Д. В., Воронин О. Л., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

Оглавление

Введение	4
Глава 1. К последним берегам: В. Ян	6
Глава 2. Народный писатель другого народа: С. Бородин (Амир Сагиджан)	23
Глава 3. «За вашу свободу?» – Л. Никулин	38
Глава 4. Социальная прогностика и история Древнего мира: И. Ефремов	53
Заключение	95
Вопросы и задания по курсу	97
Рекомендуемая литература	98

Введение

В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Поэтому основными задачами авторов данного текста, который все же не является научным исследованием, а представляет собой пособие для изучения некоторых аспектов советского и постсоветского культурного пространства, являются:

1) выяснить основные жанровые особенности исторического романа путем установления его места в типологической иерархии художественной литературы;

2) проследить историю жанра, отраженную в изменении идеологических установок и жанровой проблематики.

М. М. Бахтин основной особенностью исторического романа считал соединение исторической и частной жизни. Основной задачей исторического романа нового времени было преодоление двойственности: старались найти исторический аспект для частной жизни, а историю показать «домашним образом». Такого рода слияние истории и частной жизни является важнейшим признаком исторического романа, более того, это было тем новшеством, которое данный жанр принес в литературу, со всеми сопутствующими деталями: новым типом героя, сюжета и т. п.¹

Изучение исторической романистики является разновидностью той сферы исторической науки, которая называется *memory studies*, т. е. исследованиями историко-культурной памяти. Если традиционная история пытается изучать, условно говоря, происходившее на самом деле, то

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Минувшее меня объемлет живо. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 250–251.

memory studies изучает, как прошлое зафиксировано, «запомнено», а потом, несомненно, использовано в различных современных целях. И историческая художественная проза, наряду с исторической драматургией, поэзией, живописью, скульптурой, плакатом, фотографией, эпиграммами, частушками, кинематографией – этот перечень можно долго продолжать, – является предметом именно научного изучения.

В основу работы положено утверждение, что исторический роман – самостоятельный литературный жанр, в котором содержится художественное воплощение определенной идеи в образе личности – носителя некоего идеала будущих социальных отношений. Отражая эволюцию общества и государства, исторический роман в процессе своего развития закономерно изменяет свои качества. Это выражается в изменении его проблематики и специфики авторского концептуального подхода к действительности.

Необходимо отметить, что данное пособие является частью серии пособий, в которых заявленная тематика рассматривается на примерах из разных исторических периодов советской истории. В данном пособии переплетение и взаимодействие исторической реальности и ее интерпретаций анализируется на примере текстов послевоенных исторических романов В. Яна, С. Бородина, Л. Никулина, И. Ефремова. Одним из авторов этой работы и можно сказать «двигателем» всего задуманного мероприятия являлся замечательный иркутский ученый, историк Олег Львович Воронин. Данная серия может рассматриваться как дань памяти этому интересному и талантливому ученому и человеку.

Глава 1

К последним берегам: В. Ян

Можно долго перечислять названия сотен исторических романов о русской истории до 1917 г., но мы вынуждены констатировать непреложный факт: литературно-художественный уровень большинства этих произведений 40–50-х гг. XX в., по сравнению с 20-ми годами, неизмеримо ниже, хотя по объему они и значительно «массивнее». Среди немногих исключений, отличающихся высоким качеством, можно назвать, пожалуй, лишь трилогию В. Яна о монгольском нашествии («Чингизхан», «Батый», «К “последнему морю”», 1939–1955), неоконченный цикл романов С. Бородина о Тимуре (Тамерлане) и тимуридах («Звезды над Самаркандом», «Костры похода», «Молниеносный Баязет»), отмеченный Сталинской премией третьей степени роман Льва Никулина «России верные сыны», «Гулящие люди» А. Чапыгина.

Начнем с автора под псевдонимом «Василий Ян» Василия Григорьевича Янчевецкого (1891–1951) извивы судьбы бросали от Киева до Урянхайского края (ныне Республика Тыва) и от Лондона до Ашхабада (ныне столица Республики Туркменистан). Выпускник Историко-филологического факультета Петербургского университета, полиглот, в совершенстве знавший древние, а затем и восточные языки, с 1897 г. пешком и на плоту обошедший, вслед Гиляровскому, российские просторы. Два года путешествий легли в основу первой книги «Записки пешехода» (1901), затем он около года живет в Англии – работая в библиотеке Британского музея. В 1901 г. впервые приезжает в Центральную Азию, на службу в канцелярию начальника Закаспийской области. Через год с караваном через пустыню пробирается в Хиву, проверяя состояние колодцев на караванной тропе. Побывав на приеме у Хивинского хана, затем проезжает через Сеистан и Белуджистан вдоль всей персидско-афганской границы, заметим, по пути Александра Македонского, Бобура, Чингисхана и других за-

воевателей, ставших впоследствии героями его книг. Сюда он возвращался потом не раз, а восточная тематика заняла центральное положение в его творчестве. Несомненно, что его путешествия, как и путешествия его современников Г. Пржевальского и В. Арсеньева, были инициированы российским Генеральным Штабом. Во время Русско-японской войны и после нее (1904–1906) он – военный корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства на Дальнем Востоке. Затем снова в Ташкенте, статистик в Переселенческом управлении, в 1907–1912 гг. разъездной корреспондент газеты «Россия». Перед войной преподает латинский язык в 1-й петербургской гимназии, среди его учеников будущий любимый сталинский драматург Всеволод Вишневский и поэт Всеволод Рождественский. Последний впоследствии вспоминал: «Предмет свой (он) знал превосходно и все же никогда не мучил нас грамматикой и академической сушью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе... Об исторических лицах говорил он как о простых, давно знакомых ему людях, а в строфах поэтов, отошедших в вековое прошлое, открывал волнение и тревогу страстей, понятных и близких нашей жадной ко всему юности»².

Весной 1918 г. он возвращается с Балкан, оставив здесь жену, впоследствии знаменитую югославскую певицу Ольгу Янчевецкую, и оказывается на колчаковском восточном фронте, у белых, где руководит газетой и полевой военной типографией. По иронии судьбы, вместе с ним работают еще один будущий советский классик Всеволод Иванов (автор знаменитого «Бронепоезда 14-69»), а также прозаик и драматург «серебряного века» Сергей Ауслендер – автор ныне забытого романа «Пугачевщина» (1925), расстрелянный в 1937-м. «Великий отход» белых армий приводит Янчевецкого в Урянхайский край, где он «переходит на советскую платформу», работает в красных газетах в Ачинске и Минусинске, затем снова Ташкент и только в 1928 г. он возвращается в Москву, побывав лектором армейского политотдела, режиссером и

² Рождественский В. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М. ; Л., 1962. С. 22–23.

драматургом революционного театра, певцом «освобождения угнетенной среднеазиатской женщины». Собственно, будущий писатель прошел ту же жизненную стезю, что и большинство его коллег-писателей, но будучи старше и опытней.

Классическое образование и жизненный опыт помогли Василию Яну (так он подписывает свои рассказы и очерки, до сих пор целиком не собранные). Год за годом появляются его, предназначенные, прежде всего, для молодого читателя небольшие повести: «Финикийский корабль» (1931), «Огни на курганах» (1932, о восстании согдийцев под руководством вождя Спитамена, которое произошло во время походов Александра Македонского) и «Спартак» (1933). Эти повести были благосклонно приняты даже рапповской критикой, так как их фактическая основа базировалась на прекрасном знании автором античных и восточных источников. Предчувствие войны, обостренное победой фашизма в Германии, возвратило писателя к давнему замыслу эпического романа о Чингисхане, которому суждено было стать началом эпопеи. Заявку Василий Ян предложил издательству в 1934 г. Но даже одобрение Горького не облегчило издательскую судьбу романа: обличение тирании и деспотизма, насилия и несправедливости, даже если они совершались в далеком прошлом, становилось в 30-е годы все более не в чести. Неудивительно поэтому, что роман, упорно отвергаемый одним издательством за другим, был напечатан лишь в 1939-м.

Чтобы это, наконец, случилось хотя бы на исходе десятилетия, в сознании, мироощущении общества должно было укорениться чувство надвигающейся опасности. «Сделать упор на военные, на героические темы» – к такому извлечению актуальных уроков мировой и отечественной истории призывал в те годы академик Е. В. Тарле³. Именно тогда на экраны вышел знаменитый «Александр Невский» С. Эйзенштейна, с музыкой С. Прокофьева.

«Чингисхан» Яна оказался одним из первых романов, которыми советская литература отвечала на настоятельную духовную потребность времени. Осознание их писателем бы-

³ Лит. газ. 1940. 6 окт.

ло тем тревожнее и острее, что приближения недалекой войны вплотную к границам не видели лишь те, кто не хотел видеть, – «шапкозакидатели» разных рангов и уровней, фанфарно клявшиеся разгромить агрессора на его же земле, причем «малой кровью, могучим ударом» (такие настроения стали лейтмотивом фильма, снятого по сценарию Н. Шпанова, «Если завтра война»). Напряженная политическая ситуация в стране и мире, настроения, отвечавшие противоречивому состоянию умов в советском обществе, по-своему, где опосредованно, а где и напрямую, повлияли на проблемно-тематическое содержание романа «Чингисхан» и даже на его сюжетно-композиционное построение. «Сперва я колебался, – рассказывал в интервью Ян: – описать ли всю жизнь Чингисхана или ограничиться одним периодом или эпизодом его жизни? Я пришел к выводу, что необходимо изучить возможно подробнее всю его жизнь и эпоху. А эпизод выбрать наиболее близкий и значительный для советского читателя: вторжение армии Чингисхана в Среднюю Азию, на те земли, где теперь находятся советские республики...»⁴.

И роман «Чингисхан», и последовавшие за ним книги трилогии «Батый» (1940), «К «последнему морю» (1951) писатель называл «главным трудом» своей жизни. Разумеется, не в силу эпических объемов повествования, тяготеющего к крупномасштабной форме романной трилогии. Главное в том, что к ней в большей мере, чем к какому-либо другому произведению Яна, приложимо ключевое понятие философии истории. Критик отмечал «Не всякое повествование о прошлом становится историческим романом и не каждый роман превращается в эпопею, но только такое произведение и такой роман, в идеях и образах которого философия истории обретает решающее содержательное и формообразующее значение. Не довольствуясь беллетризованным, хотя бы и добросовестным пересказом того, что было, она вынашивается и строится на фундаменте социальной, нравственной, гуманистической концепции личности и народа, народа и эпохи»⁵.

⁴ Ян В. Путешествия в прошлое // Вопр. литературы. 1965. № 9. С. 109.

⁵ Оскоцкий Л. Предисловие // Ян В. Собр. соч. В 3 т. М., 1989.

Философия истории получила в трилогии наиболее полное и цельное выражение. Этого требовал эпохальный разворот исторических событий, в истоках, на гребне и исходе которых вершились, на века вперед определялись судьбы народов и государств. В таких всемирно-исторических масштабах воспринимал завоевательные походы монголов К. Маркс, особо выделяя в «Хронологических выписках» историю их «мировой державы». В ее изложении сквозь строгую конспективность хроники неизменно прорастает недвусмысленная оценка, как самих исторических событий, так и личностей, участвовавших в них или направлявших их необратимый ход. «...Орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети – все летит к черту. Балх, между прочим, был цветущим торговым городом, местопребыванием отличнейших художников...» – говорится о покорении Чингисханом Хорезма. «...Судьба России была решена на 2 с половиной столетия. Монголы проникают внутрь России, опустошая все огнем и мечом... Города и деревни были сожжены дотла», – о нашествии Батыя на Русь⁶.

Развернутая характеристика последствий этого нашествия дана в работе Маркса «Тайная история дипломатии XVIII века», где аналитическим вниманием и обобщающей оценкой не обойдены ни «ореол ужаса», которым окружали себя завоеватели, ни осуществляемая ими политика «всеобщей резни» среди «населения, которое могло восстать в их тылу». «Татарское иго, – подчеркнуто здесь, – длилось... более двух столетий; это иго не только подавляет, но оскорбляет и иссушает самую душу народа, который пал его жертвой. Монголо-татары установили правление систематического террора, разорения и массового истребления, принимавшего форму соответствующих институтов»⁷.

Суждения К. Маркса историческая наука дополнила фактами и выводами, характеризующими как падение Киевской

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. 5. С. 219, 221, 224.

⁷ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. L., 1890. P. 78.

Руси под ударами монголо-татарских полчищ, так и ордынское иго, как совокупные факторы, «отбросившие цивилизацию значительной части Азии и Европы вспять», затормозивших «исторический прогресс, не принеся никакой пользы населению собственно Монголии»⁸.

«Если ко времени монгольского нашествия общее количество городов на Руси, по неполным, вернее, даже по отрывочным летописным данным, приближалось к трем сотням, то среди них, – как указывал М. Н. Тихомиров, – даже незначительные города татарам приходилось брать силой, и дело доходило до того, что маленький Козельск задержал громадную рать Батыея под своими стенами на несколько недель. Защитники его нанесли татарам такой ущерб, что Батый назвал его «злым городом», запретив впредь называть Козельском». Тем невыносимей были неисчислимы бедствия, какие обрушили пришельцы на непокорную землю. «Татары вели себя в России, как в завоеванной стране. Дань их не удовлетворяла, им нужны были пленники, которых они обращали в рабов и продавали на невольничьих рынках»⁹.

Наконец, трагедия монголо-татарского владычества над русской землей, отозвавшаяся в песенно-поэтическом творчестве народа безутешными, скорбными плачами, была трагедией великой древнерусской культуры, на общем фоне которой, показывает академик Д. С. Лихачев, даже вершинное «Слово о полку Игореве» не выситя одиноким, исключительным памятником. «Русь до ее монгольского завоевания была представлена великолепными памятниками зодчества, живописи, прикладного искусства, историческими произведениями и публицистическими сочинениями... Ее культура не была отсталой или замкнутой в себе, отгороженной «китайской стеной» от внешнего культурного мира... Ее культура была единой на всей огромной территории от Ладоги и Бело-

⁸ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М. : Наука, 1982. С. 8, 9.

⁹ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М. : Наука, 1975. С. 67, 382–383, 383–384.

го моря на севере до черноморской Тмутарокани на юге, от Волги на востоке и до Карпат на западе»¹⁰.

Таковы исторические «опоры», на которых Василий Ян, зачастую опережая науку, возводил идейно-образную систему трилогии. Давнее видение «лютой пустыни» Дешти-Лут не случайно отозвалось в тексте апокалиптической символикой обезжизненной, испепеленной земли: «...все гибло и обращалось в пустыню там, где проходили монголы». В первом романе это и обезлюдившие караванные пути, и пепелища Отрара, Бухары, Самарканда, напоминающие о «скорбных днях, пережитых народами Хорезма». Во втором романе («Батый», 1941) – «мертвое поле» под Рязанью, где лишь «волки и вороны продолжали свой кровавый пир» после битвы, «груды золы и каменных обломков» на месте шумного, людного Козельска, «багровое зарево пожара» над Угличем. Уже зерно замысла содержало у Яна его будущие ростки – мысль, которую писатель считал основной в трилогии: «хищническая, насильственная политика Чингисхана обречена на гибель, как противная высшим идеалам человечества». В страстном утверждении бесплодности тирании, бездуховности деспотизма, обреченности человеконенавистничества заключен важнейший творческий урок трилогии – урок действенного оптимизма и гуманизма художественной мысли, которая выдерживает сопоставление с мыслью научной по всем их общим философским, социальным, духовным параметрам и критериям.

«Татарам поддались мы совсем не от смирения (что было бы для нас не честью, а бесчестьем, как и для всякого другого народа), а по бессилию, вследствие разделения наших сил родовым, кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени»¹¹.

Художественно исследуя причины национальной трагедии, уже предвосхищенной в битве на Калке, автор воплотил их в проявлениях узкосословной, эгоистически кастовой мо-

¹⁰ Лихачев Д. С. «Слово и полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 3.

¹¹ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1956. С. 24.

рали феодальных верхов. На ее почве произошло предательство рязанского князя Глеба, отвергнутого не только родным народом, но даже завоевателями, которые обрекают его на одинокие скитания в степи. Вероломным изменам, корыстному смирению перед ордынским игом противостоит в романе «Батый» патриотизм народа, воплощенный и в отчаянном самоотречении молодой княгини Евпраксии, с сыном на руках бросившейся из терема «на черневшие внизу камни», и в героическом самоотвержении «неистового» Евпатия Коловрата, его друга Ратибора, и в ратных делах Савелия Дикороса, Лихаря Кудряша, Опалёнихи, воинов Торопки, Апоницы, Шибалки, многих других вымышленных представителей социальных низов феодальной Руси. Так роман, обращенный к трагичнейшим страницам русской истории, стал романом, написанным во славу народного подвига.

«Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующее просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» – размышлял Пушкин об исторических масштабах этого подвига¹².

О благодарном преклонении перед ним потомков писал Чернышевский: «...нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями – спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполтину было разбили враги...»¹³.

Наиболее влиятельный советский критик – идеолог Борис Сучков, оценил трилогию как «новый взгляд на историю как на коллективное творчество народных масс и арену их борьбы за свободу против угнетателей... Ясная гуманистическая идея, пронизывающая романы В. Яна, позволяет ему в полном объеме показать разрушительную, деструктивную

¹² Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. М., 1976. С. 360–361.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1949. С. 48.

роль Чингизхана в истории, мнимость величия его мрачных деяний, кровавую свирепость, сопутствовавшую его завоевательным походам»¹⁴.

Рассмотрим теперь отдельные детали трилогии, начав с «прототипических» реалий сюжета, имевших в действительности соответствующие аналоги. По свидетельству исторической науки, оставленный в Хорезме наместником Чжочи (Джучи) «старался избавить край от разорения и говорил приближенным, что “Чингисхан потерял рассудок, так как губит столько земель и народу”... Есть глухие сведения о том, что Чжочи даже был намерен убить Чингисхана во время охоты. Его замысел стал известен отцу, и полагают, что Чжочи был отравлен по его приказу»¹⁵.

Исключая замысел отцеубийства, почти так – вплоть до непочтительных слов об отце и насильственного устранения непослушного сына – разворачивается действие и в первом романе Яна. Но «неукротимый и своенравный Джучи» в нем – искаженная тень Чингисхана. «Он был похож на отца высоким ростом, медвежьими хватками и холодным взглядом зеленоватых глаз», которые на все вокруг глядят пристально и мрачно». Потому и отослал его Чингисхан подальше, в самый крайний угол своего царства, и приставил к нему тайных соглядатаев, что подозревает в нем соперника, который жаждет вырвать... поводья царства, а отца посадить в юрту для дряхлых стариков». Стало быть, такой Чжочи не совсем истинен? И писатель не был вправе интерпретировать его образ подобным образом? Ничуть не бывало. Герой романа для Яна – художественный образ, и воссоздание его преследуют задачи куда более широкие, чем реставрация исторического прототипа. Писателю было важно акцентировать читательское внимание на культуре всепроникающего насилия, не знающей пощады жестокости, которыми в ближайшем окружении Чингисхана определяется и поверяется все, от социально-общественных до семейно-бытовых отношений. Отто-

¹⁴ Сучков Б. Современность и реализм // Знамя. 1965. № 9. С. 222–223.

¹⁵ Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 134.

го и Чжочи у него не отравлен, как допускали летописцы и предполагают историки, а варварски – «лежал с переломанным, по монгольскому обычаю, хребтом» – убит таинственными убийцами, которые подсланы самим Чингисханом.

Соответствуют документальным первоисточникам, но не совпадают полностью с ними мотивировки и акценты, разъясняющие эпизоды, в которых действует даосский монах, философ и поэт Чан Чунь, хотя речь его, обращенная к Чингисхану, почти дословно повторяет то, что он говорил в действительности: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». Историки засвидетельствовали, что во времена завоевания Северного Китая монголами Чан Чунь пользовался большой известностью как проповедник даосской религии с ее мистическим культом бессмертия. «Чингис слышал о Чан Чуне и, находясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе, чтобы воспользоваться секретами даосов и узнать тайну достижения бессмертия. Чан Чунь согласился прибыть в ставку Чингисхана, с одной стороны, безусловно подчиняясь силе, с другой – возможно, надеясь повлиять на грозного хана и уменьшить кровопролитие»¹⁶.

Вот и у Яна «стремящийся к “дао”, смиренный житель гор Чан Чунь» исполняет «высочайшее повеление» Чингисхана, спешит к нему «через снега, горы и пустыни» в тщетной надежде упросить: «...прекрати свои жестокие войны и повсюду среди народов водвори доброжелательный мир!..» И на этот раз мотив обличения жестокостей насилия, деспотической власти тирана выступает ведущим, тесня диспут правителя и философа о смысле человеческого бытия, тайнах жизни и смерти, который, скорее всего, имел место в действительности. На ту же писательскую сверхзадачу ориентирована стилистика повествования. У Яна она не чурается и прямолинейно обличительных описаний от автора, в которых сконцентрированы нарочито уродливые черты личности Чингисхана. Если гневен, приказывает «накормить борзую собаку сердцем мальчишки – сына побежденного Джелал ад-Дина, и когда «палач-монгол, улыбаясь до ушей от гордости», подно-

¹⁶ Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 122

сит ему «маленькое дымящееся сердце», он довольно кряхтит, «как старый боров».

Выстраивая трилогию как эпическое повествование о монголо-татарских завоеваниях, автор соотносит ее композицию с их хроникой. Соответственно этой хронике первая книга венчается смертью Чингисхана. Единственно с внуком Бату связывает он так и не свершившиеся надежды на то, что надо всей «вселенной... протянется монгольская рука». Выступая во второй книге главным действующим лицом, Батый продолжает кровавые «великие дела, которые не успел выполнить его дед, Священный Потрясатель вселенной». Такое сюжетно-композиционное построение эпопеи – одна из граней ее образной структуры. С нею взаимосвязана грань стиливая, сейсмографически точно фиксирующая, «материализующая» идейно-художественные особенности повествования.

Так, важнейшим направляющим ориентиром, которых придерживался Ян, на протяжении всей трилогии выступают социальные реалии, психологические детали, бытовые подробности воссоздаваемой эпохи. Точность их живописания становится нормой повествования. Если прикладывает Чингисхан золотую печать к пергаменту – письму хорезм-шаху Мухаммеду, – то писатель не забывает отметить, что она смочена синей краской, пояснив при этом в сноске: на письмах монгольского хана к повелителям других народов ставилась синяя печать, на обыкновенных документах – красная. Если появляется впервые в трилогии малолетний Бату, то непременно «с небольшим луком и тремя красными стрелами», потому что именно три красные стрелы считались признаком высокого ханского рода. И «девятью девять раз» Джебэнойон и Субудай-багатур заставляют воина пропеть свое донесение «единственному и величайшему»: не умея писать, они составляют его в виде песни, которую гонец заучивает наизусть. Повторяет же он песню так многократно потому, что число девять почиталось у монголов как священное. Таково мастерство реалистической детали, которым Василий Ян владеет совершеннее, нежели искусством романтической сюжетной интриги.

Собственно сюжет трилогии задан историей и географией завоевательных походов Чингисхана и Батыя. Безупречно выдерживая его на уровне исторического повествования, писатель не всегда преодолевал сопротивление приключенческой беллетристики, авантюрной занимательности, сопровождавшейся ослаблением социально-психологического анализа. Так, в частности, происходит в начальных главах романа «Батый», повествующих о злоключениях будущего джихангира, военачальника похода на Русь, которые вызваны его враждой с другим внуком Чингисхана, Гуюк-ханом.

Едва ли не хрестоматийно суждение Василия Яна о взаимоотношениях искусства и науки в писательском творчестве: «Грош цена тому историческому произведению, которое извращает точно установленные факты, даты, зафиксированные на страницах памятников». Писатель, однако, считал невозможным пренебрегать художественностью ради того, чтобы всегда и всюду «заботиться о безусловной научной точности в описании жизни своего героя, отделенного туманом столетий, в особенности, когда нет описаний очевидцев, закрепленных слов, сказанных героем». Двуетельная задача романиста в таких случаях состоит, на его взгляд, в том, чтобы «с одной стороны, придерживаться некоторых, безусловно точных “ориентиров”, а с другой стороны – свободно творить, имея художественное прозрение, бросая лучи критического и творческого прожектора в далекое прошлое, выбирая из хаоса возможностей наиболее характерные, индивидуальные черты своего героя, стараясь создать образ живой, полнокровный, незабываемый и в то же время правдивый». Сопрягая одно с другим, Василий Ян убежденно ратовал за «самую широкую свободу творческому домыслу автора, его фантазии, лишь бы этот домысел и фантазия были строго построены на точных фактах научно-исторических исследований. Фантазия, домысел не только допустимы, но даже необходимы, и не только для беллетристического исторического произведения, но и для научного исследования»¹⁷.

¹⁷ Ян В. Путешествия в прошлое. С. 103.

Однако в каком направлении работать воображению исторического романиста, в каких повествовательных формах воплощаться – вот в чем вопрос. Отвечая на него, Ян выделял «два типа исторических романов. Один тип – романы развлекательные, с романтическими приключениями. К другому типу нужно отнести произведения с обширными планами, глубоким замыслом...» Явное предпочтение второму типу не означает небрежения первым. Историческому романисту, настаивал Василий Ян, «должна быть предоставлена полная свобода искать и создавать новые формы выражения своих замыслов... Показывая любимые героические образы прошлого, автору нужно быть искусным зодчим, как в общем плане, так и в мелочах, уметь по-своему видеть мир, соблюдать чистоту каждой речи, иметь свой собственный слог, чувствовать соответствие данной формы избранному содержанию...»¹⁸.

Гармоничное художественное единство содержания и формы в трилогии Василия Яна, главным образом в романах «Чингисхан» и «Батый», конечно, глубоко идеологично. Не только для предвоенного и военного времени, когда писатель задумывал и создавал оба романа, но и для последующих лет и десятилетий, в идеологических битвах которых исторически доподлинный герой первого романа зачастую оказывался одной из ключевых фигур.

Но нужно отметить, что появившиеся в конце века и первое десятилетие текущего новые исследователи и писатели рассматривают и период монгольских завоеваний, и личности правителей этой эпохи под разными углами зрения. Это относится, прежде всего, к работам Льва Николаевича Гумилева, так широко популярным ныне, так и к генерации исследователей и авторов, работающих в наше время (Н. Крадин, Е. Почекаев и др.)

Вернемся к Яну. Завершать трилогию должна была книга, условно называвшаяся «Золотая Орда и Александр Беспокойный (Александр Невский)». Однако писателю не удалось довести до конца свой замысел. Закончив рукопись и представив ее в издательство, он вынужден был пойти и на на-

¹⁸ Ян В. Путешествия в прошлое. С. 105.

сильственное изъятие ряда глав, ставших затем самостоятельными рассказами («Возвращение мечты», «В орлином гнезде Старца горы», «Скоморошья потеха»), и на искусственное расчленение единого текста на два отдельных произведения – роман «К “последнему морю”» и повесть «Юность полководца» (1952). Видимо, здесь причина заметного перепада уровней: роман «К “последнему морю”» явно уступает художественно романам «Чингисхан» и «Батый». Не мифическая «творческая неудача» привела к этому, а догматические ультиматумы издательства, не позволившего Василию Яну выпустить книгу такой, какой он ее задумывал и писал.

Это также связано с литературной ситуацией конца 40-х – начала 50-х гг. Послевоенные карательные акции сталинизма не благоприятствовали появлению в печати произведений, повествовавших об ужасах насилия и террора, обличавших тиранию и деспотизм единодержавной власти, содержащих хотя бы глухой намек на жестокость правителя. Теория бесконфликтности с ее установочной ориентацией на идеального героя и благополучный конфликт отличного с хорошим, притязала не только на идеализированную современность, но и на историю, недавнюю и давнюю, будь то кровотокающая память Отечественной войны, годы Октябрьской революции или многовековое прошлое, в освещении которого также надлежало бездумно избегать народных драм и трагедий, предпочитать им лубочную сусальность. Раздуваемая сверху кампания борьбы с «безродными космополитами-антипатриотами» накладывала на творческие искания писателя вообще и исторического романиста в частности, идеологические вериги казенного ура-патриотизма, амбициозной великодержавности. В случае с Василием Яном дошло до абсурда: писателя заподозрили в злонамеренном возвышении Батые над нарочито приниженным Александром Невским. Сын писателя цитирует письмо редактора издательства: «Почти все рецензенты отмечают то обстоятельство, что в романе, являющемся третьей частью Вашей трилогии, Вы недостаточно показали историческую роль и величие Древней Руси и славного сына великого русского народа Александра Невского»¹⁹.

¹⁹ Янчевецкий М. В. Писатель-историк В. Ян. М., 1995. С. 176.

Стоит ли удивляться, что повесть «Юность полководца» Василий Ян успел увидеть изданной лишь незадолго до кончины, а роман «К «последнему морю» вышел в 1955 г. уже после его смерти. Критик В. Оскоцкий метко замечает: «Сопоставим видение “последнего моря” на “краю земли” в ранней повести “Огни на курганах”: не повторяет ли писатель однажды найденный образ, побуждая хана Батыя вослед Александру Македонскому грезить о том, как, удержав “в руках золотые поводья могучего войска”, он поведет его в новый поход до “последнего моря”, где каждый день тает солнце:”, и на все лежащие на пути земли опустит “лапу монгольского степного беркута”? Нет, не в повторах дело, а в типовом действии, безотказно моделирующем логику завоеваний и психологию завоевателей. Проявляясь с разрывом более чем в полторы тысячи лет в конкретно-исторических условиях времени, места и среды, они знают и такие общие основания, а стало быть, и черты, как деспотизм неограниченной власти, культ силы и произвол насилия, безудержность притязаний на мировое господство...»²⁰.

Жоалея о художественных издержках романа «К “последнему морю”», критик справедливо указывает на «избыточность исторической информации, не вовлеченной в сюжет и потому утяжеляющей его, на перенасыщенность действия сюжетными ответвлениями и недостаточную психологическую мотивированность участия в них ряда персонажей, на композиционную несостыкованность, неслаженность отдельных повествовательных пластов»²¹.

Но эти недостатки не отменяют художественных достижений трилогии. Не устлан победами путь к “последнему морю”: как бы поперек его горбом вздыбилась многострадальная русская земля, обескровленная, но не истребленная, и златоглавый Киев, приняв героическую эстафету Рязани и других спаленных городов, устами своих послов заявляет «категорический отказ добровольно покориться татарам». Батальные картины его многодневной осады относятся к

²⁰ Оскоцкий Л. Указ. соч. С. 67.

²¹ Там же. С. 93.

лучшим в романе: «Добрую половину своего непобедимого войска» положил Батый под киевскими стенами, и лишь тогда одолел их, когда поредели ряды мужественных защитников города, которые «дорого отдавали ... свою жизнь, держась из последних сил, разя врага, чем и как могли».

С презрением отвергает старый воевода Ратша постыдное предложение Батыя возглавить «полк из пленных русов» в составе разноплеменного ханского войска, гордо принимает мученическую смерть, которая достойней жизни, оплаченной предательством. Честную гибель добровольно избирают и плененные защитники Киева, искусники-мастера, утаивая от врагов свое уменье, дабы не пригодилось оно ни в Сарае на берегах Итиля, ни в столице «великого кагана» Кара-Коруме. Прав поэтому «ехидный, всем недовольный Гуюк-хан», предостерегающий Батыя от опасностей, которые остались позади их войска как «тлеющие и непотухающие костры возможных восстаний... Не загасив тлеющих костров позади себя, не делаем ли мы новую ошибку, двинувшись вперед?». О том же тревожится многоопытный, искушенный в походах воин Субудай: устремляясь «в сторону заходящего солнца», завоеватели удлиняют и без того бесконечный путь, который отделил их от ставки Батыя в низовьях Итиля и тем более «от главной столицы всех монголов Кара-Корума». Не «сохранить безопасным и неприкосновенным этот наш великий путь», если в тылу, за спиной остается русская земля. Пока она непокорна, не быть долгими и прочными новым победам, которые одерживает, «неуклонно направляясь к западу», монгольская орда.

И призрачность победного торжества завоевателей «жалобные песни» в главе «На далекой родине». Не со «священной добычей», а с пустыми седлами на четырех конях возвратился домой старый Назир-Кяризек, и поминальный плач встретил его на пороге родной юрты: «великий поход» Батыя на Русь поглотил сыновей так же бесславно, как и десятки тысяч других воинов.

Между тем Александр Ярославич, разгромивший шведов в битве на Неве и немецких рыцарей в Ледовом побоище на Чудском озере, во взаимоотношениях с Ордой при всем своем

бесстрашии полководца настойчиво избегал открытых конфронтаций, предпочитал «примирительную политику» искусного дипломата, твердо знающего, что с монголо-татарами «Русская земля еще не в состоянии справиться»²². В исторической литературе личность Александра нередко изображается в виде удальца, который внезапным нападением разрешает все трудности и одерживает победы. В действительности это изображение очень далеко от истинной правды. Александр Невский умел сочетать смелость с дальновидным расчетом политика, и только это соединение большого политического ума и боевой храбрости позволило ему одержать победу над неприятелями»²³. Советская идеология посталенинских десятилетий искала в отечественной истории личность, которая, служа идее укрепления государства, все-таки не была бы так противоречива, как Иван Грозный, и герой последней повести Яна «Юность полководца» (1951) этой роли соответствовал. Все его деяния в последующей жизни: война против родного брата, пытавшегося оказать сопротивление завоевателям, с использованием помощи самих этих завоевателей, расправа с бунтующими против татарской переписи новгородцами, - «забывались» советской исторической прозой.

Если Чингисхан или Батый в творческом мире Василия Яна олицетворяют разрушительные силы истории, то Александр Невский персонифицирует ее созидательное начало и, создавая повесть о нем, Ян задавался отнюдь не праздным вопросом и давал на него вовсе не декларативный ответ: «Что такое великий человек? Это человек, чьи индивидуальные способности делают его наиболее пригодным для служения великим общественным нуждам своего времени. Великие люди всегда являются «начинателями», они видят дальше других и хотят сильнее других. Сила выдающейся личности – в ее связи с массами, с народом, в умении организовать массы, предвидеть ход исторического движения. У каждого великого человека имеются свои единственные индивидуальные черты, отличающие его от других навсегда»²⁴.

²² Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 384.

²³ Там же. С. 329.

²⁴ Ян В. Путешествия в прошлое. С. 111.

Глава 2

Народный писатель другого народа: С. Бородин (Амир Сагиджан)

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:
«Читал ты синтаксис?» – «Нет», – кормчий отвечал.
«Полжизни жил ты зря!» – ученый муж сказал.
Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.
Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:

«Учился плавать ты?» Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом».
«Увы, ученый муж! – промолвил мореход. –
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет».

Джелаладдин Руми.

Спор грамматика с кормчим

Бородин Сергей Петрович (1902–1974); до 1941 г. использовал псевдоним Амир Сагиджан, лауреат Сталинской премии (1941) за роман «Дмитрий Донской», лауреат премии Хамзы (высшая литературная премия Узбекистана), народный писатель Узбекистана (1973) за историческую эпопею «Звезды над Самаркандом», состоящую из трех частей: «Хромой Тимур», (1953–1954), «Костры похода» (1958), «Молниеносный Баязет» (1971, неокончен), от 4-й части «Белый конь» остались только несколько глав и наброски.

С. Бородин – коренной москвич, родившийся в доме у Никитских ворот в семье потомственных интеллигентов, в кругу которых бывали: А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, Н. Клюев, С. Клычков, И. Бунин, А. Куприн. О некоторых из них Бородин оставил любопытные автобиографические заметки. Но детство будущего писателя прошло в Тульской

губернии в старинном городке Белеве, около тысячи лет простоявшего на высоком левом берегу Оки. Он вспоминал: «Белев жил своими буднями и праздниками, окруженный прильем заливных лугов за Окой, где буйно росли травы, ароматом бесчисленных цветов был пропитан весь воздух с весны до сенокоса. А в сенокос нежный и крепкий запах свежего сена сливался с раздольем песен, когда, прервав косьбу или жатву, окрестные девушки отдыхали. Это не были нынешние безупречные хоры – на полях голоса сливались, порой перебивая друг друга, непричесанные, неприглаженные, как пряди на разгоряченных лбах, пение достигало и городских улиц. Крестьяне носили русскую одежду, у каждой волости, а порой и в некоторых отдельных деревнях, бытовала своя одежда, унаследованная от далеких времен. Так жила деревня и за триста лет до меня, и за пятьсот лет, и я рос, понимая эту красоту как нечто неотъемлемое от обыденной жизни. Много позже, я стал понимать, что рос среди XVI, а то и XIV века. И все это было для меня не реконструированной историей, а повседневной действительностью»²⁵.

Еще в 12 лет(!) он опубликовал свой первый очерк о Белеве в журнале для подростков «Путеводный огонек», а вслед за тем известный детский писатель А. А. Федоров-Давыдов похвалил его, добавив, что «очерку не понадобилась грамматическая правка».

Его интерес к литературе поощряли и писатели, в кругу которых он появлялся, так как его двоюродная сестра работала секретарем одной из московских редакций. В своей автобиографии он вспоминает: «Конечно, я был еще очень далек от того, чтобы говорить с ними о литературе, но, затаившись, я слушал их споры, сплетни, сетования многих из тех, кого нынче мы либо начисто забыли, либо увековечили в бронзе и граните. Некоторые из них стали зачинателями советской литературы: Блок, Брюсов, Андрей Белый, Н. Клюев, С. Клычков. Несколько раз встречал Бунина, Куприна, а Бальмонту почему-то нравилось меня поддразнивать. Помню такой разговор:

²⁵ Здесь и ниже цит. по: Бородин С. Дороги: опыт автобиографии // Дружба народов. 1971. № 4.

- Стишки пишешь?
- Пишу.
- А меня превзойдешь?
- Не знаю, не пробовал.
- А ты сядь да попробуй.
- А зачем, Константин Дмитриевич? Лучше попробую себя превзойти!

Бальмонт хохотал над этой мальчишеской дидактикой. И опять что-нибудь придумывал.

Он всегда появлялся с какой-нибудь дамой в большой шляпе и пышном неземном платье. Дамы называли его Рыжан за золотые пушистые волосы, сиявшие над его головой, как нимб»²⁶.

После революции в 1917–1918 гг. из Москвы, из Петрограда в Белев съехалось много художников, музыкантов, артистов. Ехали сюда, спасаясь от разрухи, тяжело сказавшейся на больших городах. Ехали от голода, от холода в такие города, где и дрова были дешевы, и хлеба было больше, и жизнь казалась спокойнее. Местом встреч сами собой определились теплые комнаты Пролеткульта. Заведовал Пролеткультом ленинградский художник Т. И. Катуркин, окончивший накануне революции Петербургскую академию художеств. Катуркин, ученик Репина, отлично владел рисунком, писал пейзажи, портреты, декорации. Он быстро собрал вокруг студии всех съехавшихся в Белев художников, и вскоре студия стала профессиональной школой живописи. Пожалуй, никогда в Белеве не было такой оживленной творческой жизни, как в те годы, между 1919 и 1922. Впоследствии многие из белевских студийцев стали профессиональными актерами, художниками. Одна из бывших студийек, стала известной французской художницей Надей Леже, спутницей великого Фернана Леже и близким другом Пабло Пикассо.

Здесь Бородин вспоминает и А. Блока: «В 1920 году во время нашей студийской поездки в Москву я встретил Александра Блока. Рядом с ним величественно и покровительственно шагал ныне почти забытый критик П. С. Коган. Порав-

²⁶ Бородин С. Дороги: опыт автобиографии // Дружба народов. 1971. № 4.

нявшись со мной, Блок вдруг окликнул меня по имени. Оказывается, он запомнил меня с тех давних лет, когда я был еще мальчишкой. Спросил, пишу ли я стихи, работаю ли над стихами. Он был очень худ, бледен, и мне показался не столько грустным, сколько сосредоточенным на чем-то одном и отрешенным от всего остального. Встреча была недолгой. Больше я его уже не видел...»

Сам Бородин писал стихи, но вряд ли они заслуживали публикаций, зато в 1922 г. он поступил в Высший Литературно-художественный институт под руководством В. Я. Брюсова. Институт, возникший из брюсовской студии на Поварской улице был уникален, Брюсову дано было право привлечь к преподаванию любого из московских профессоров и наравне с ними любого из знатоков того или иного предмета. Бородин вспоминает: «Людей выбирали не по званию, а по знанию. Брюсов выбрал самых выдающихся, самых талантливых знатоков для преподавания в институте. Молодой Мстислав Цявловский читал у нас лекции о Пушкине и привлекал молодого Яхонтова для чтения пушкинских поэм. Николай Асеев преподавал стихосложение, Юрий Соколов – фольклор. Были и профессора старой школы. Сам Брюсов вел курс римской литературы и латыни, а читать нам свои стихи заходили, и нередко, В. Маяковский, С. Есенин, Вас. Каменский, многие поэты тех лет».

С особым интересом молодой писатель занимался русским фольклором у Ю. М. Соколова, известного собирателя былин и народных песен. Вместе с братом Борисом Ю. М. Соколов издал свои обширные записи в книге «Сказки и песни Белозерского края». Соколов одновременно являлся директором незадолго перед тем созданного Центрального музея народоведения, ему понадобились сотрудники, и он пригласил молодого студента для работы в музее в Туркестанский отдел. Бородин вначале отказывался, оговорившись, что Туркестана не знает и никогда там не бывал. «Это поправимо», – сказал Ю. М. – Например, Бухарская народная республика поставила вопрос о вхождении в состав Советского государства. Там еще сохранился народный быт в патриархальном виде. Сохранились древние ремесла. Нам надо собрать не только

орудия труда, но закупить для экспозиции целые мастерские. Например, мастерскую ткача со всем, что в ней находится, от станка до свечного огарка, а то, что невозможно перевезти, достоверно зарисовать. Ты рисовать можешь. Вот как только справишься с экзаменационной сессией, садись и поезжай, я тебе дам командировку». Так 20-летний студент летом 1923 г. с письмами из бухарского постпредства и командировкой Музея приехал в Бухару. Он вспоминает: «Это была дорога из современного мира в средние века. Со мной в вагоне сидели почтенные бородатые бухарцы в белоснежных больших чалмах и пестрых халатах; остро пахло степными травами; негромко велась беседа на незнакомом мне языке. Пили горький зеленый чай, запасенный на дорогу в вокзальной чайхане. Пили из плоских чашек, которые правильнее было бы называть плошками, но бухарцы называли их пиалами. Поочередно пили все из одной чашки, каждому наливая по одному глотку. Но как гостеприимно, приветливо, церемонно подавалась эта чашка, когда подходила очередь принять ее». На другой день глава Бухарской народной республики Файзулла Ходжаев (легендарный узбекский революционер), сказал:

«– Чтобы выбрать для музея самое типичное, надо знать и случайное. А чтобы отличать одно от другого, надо пожить в самой гуще жизни. У нас есть Мадраса, расположенная у базара. Там еще изучают богословие, но половина учителей и учеников разъехалась неведомо куда. Нам-то ведомо, куда, но не в этом суть. Есть много свободных келий. Я попрошу муфтия отдать вам одну из келий. Поживите там. Можете поучиться у богословов, если явится такое желание. Базар будет рядом, а базар – это гуща жизни, там и ремесленники, и купцы, и мастерские кустарей. Валяйте. Вот вам письмо к муфтию... Я поселился в одной из уютных келий в древней Мадрасе Мир-Араб. Прожил там до глубокой осени. Сделал закупки для музея и, оставляя в Бухаре много добрых друзей, особенно среди кустарей и богословов, возвратился в институт».

Так молодой студент – изучающий русский фольклор оказался в самом главном в Центральной Азии центре мусульманского образования. Мири-Араб, основанная в XVI в. и

по сей день считается наиболее известным и одним из крупнейших в мусульманском мире духовных высших учебных заведений, здесь готовили и готовят служителей мечетей (мулл, хатибов-проповедников), учителей конфессиональных школ, судей шариатского суда.

Через два года, побывавший уже и на русском севере, выпускник вновь оказался в Узбекистане. На этот раз, получив командировку от газеты «Правда» он оказался в Самарканде: В Самарканде, переходя от одних древних зданий к другим и в каждое наведываясь неоднократно, я привлек внимание археолога В. Л. Вяткина, выдающегося знатока Самарканда, написавшего о его древностях несколько книг. В свое время он нашел и раскрыл обсерваторию Улугбека. В то лето он вел раскопки на Афрасиабе. Ему нужен был десятник, чтобы руководил двумя десятками землекопов. Вяткин предложил мне эту работу на Афрасиабе... Каждый вечер, едва отмывшись от пыли, я спешил в свою уже самаркандскую келью в караван-сарай Юлдаш Тага и садился за сочинения востоковедов, за справочники, за словари. В том году нам повезло. Расчищая один из раскопов, мы открыли вдоль трех стен комнаты алебастровую панель XI в., сложный геометрический орнамент отличной сохранности (ныне она хранится в Самаркандском музее).

Но диплома института молодой фольклорист и археолог так и не получил. После смерти В. Я. Брюсова (1925) институт решили перевести в Ленинград (среди недоброжелателей Брюсова, главную роль в Наркомпросе играла Н. К. Крупская). Был взят курс на его ликвидацию. Поэтому большинство выпускников отказалось от переезда. Бородин стал профессиональным литератором, по рекомендации Андрея Белого, Л. М. Леонова и Вс. Иванова он был принят в члены Всероссийского союза писателей. Затем вновь в Самарканде он начинает изучать Коран, а в мадресе Тилля Кари, одном из оплотов суфизма, изучает богословские трактаты, в том числе и книги гениального суфия Джалаладдина Руми – величайшего в мировой литературе поэта-пантеиста.

Все эти «восточные влияния» в 30-х гг. выкристаллизовались в многочисленные очерки и рассказы, главным обра-

зом в виде путевых заметок не только о Средней Азии, Памире, Казахстане, но и о Закавказье и даже о Дальнем Востоке. Основная тема – противопоставление «старых» и «новых» революционных ценностей («Медный бык», «Повесть о Шущане и Азоте», романы в новеллах «Последняя Бухара» (1932), «Египтянин» и «Мастер птиц» (1934). Все эти произведения он и подписывал упоминавшимся псевдонимом. «В 1930 г. когда шло к концу строительство Турксиба, я снова поехал в Южный Казахстан, видел завершение работ. В этой поездке со мной были И. Ильф и Евг. Петров, остававшиеся неизменно близкими мне людьми до их ранней гибели. О Турксибе я тоже написал несколько очерков, печатавшихся в Москве». Но ведь эта знаменитая коллективная поездка на смычку» описана в «Золотом теленке», а уж читателю остается гадать, чьим прототипом у великих насмешников стал 28-летний «Амир Сагиджан». В образе ли халтурщика Ухудшанского, помните: «...на вокзальной площади они увидели толпу литерных корреспондентов... они окружили Ухудшанского. Обладатель торжественного комплекта самодовольно поворачивался во все стороны... на нем была бархатная шапка, отороченная шакальим хвостом, и халат, скроенный из ватного одеяла...». Пожалуй, нет (слишком был молод), скорее в образе анонимного «писателя в детской курточке», застенчиво записывающего цветистые восточные легенды.

Но с 1934 г. Бородин окончательно поселяется в Подмосковье (г. Старая Руза) и на шесть лет замыкается в работе над романом из истории средневековой Руси. В 1941 г. в «Красной нови», которую опять редактирует А. Фадеев, выходит роман «Дмитрий Донской» (писатель, впоследствии вспоминал, что в его семье имена давались по русским святым и имени Дмитрий он не получил, потому что Донской не был объявлен церковью святым, а назвали его в честь Сергия Радонежского). Опять же строчки из автобиографии: «Помню рассказ отца о Куликовом поле, и однажды он пообещал взять меня с собой туда, когда по своим делам собирался на станцию Птань. Все эти места были недалеко от Белева. Отцу принадлежала лесная дача Мушкань. Она находилась недалеко от Козельска. Там, в лесной чащобе, была ложбинка, где, если

сильно топнуть, можно услышать подземный гул. Рассказывали, что в этом месте находился не то тайный ход, не то погреб, вырытые воинами Батыея, когда татары осаждали Козельск. Предполагали, что там зарыты великие сокровища... Предания, связанные с татарами, тем более интересовали меня, что мать моя происходила из обрусевшей, но старинной татарской семьи. Однако от ее отца, моего деда, по облику напоминавшего золотоордынского мурзу, я не мог добиться никаких преданий. Обычно он говорил: “Читай, побольше читай, там все вернее написано, чем я тебе скажу”. Тем более что дома нашлась не только многотомная “История Государства Российского” Карамзина. У нас хранилась довольно большая библиотека, как наследственная, так и более современная, состоявшая, по нынешним понятиям, не только из редких, но и из редчайших книг, изданий XVIII в. и из еще более старых рукописных книг. Брат моей матери, Яков, за свою короткую жизнь собрал очень большую библиотеку книг XVIII в.».

Несомненно, что к 1941 г., когда опасность войны стала абсолютно явной, образ победителя «мамаева нашествия» имел отчетливо выраженную идеологическую окраску, что, несомненно, повлияло на его художественные достоинства. Вот как автор вспоминает историю его публикации:

«Так в 1938 и 1939 годах я проштудировал все первоисточники, до каких только мог добраться, установил подлинную историю дружеских или родственных связей между современниками Дмитрия Донского, держал в руках и разглядывал документы, монеты, книги, оружие – вещи, видевшие Донского и, может быть, даже принадлежавшие ему. В моем представлении тот мир сложился как нечто реальное, где я уже мог наиболее типичное и характерное отделять от случайного и наносного. Мир XIV века стал перед моими глазами, и уже можно было писать о нем как о реальной действительности. Но вместе с тем я не забывал, что коричневая орда сжигает и топчет города Европы и что нашему читателю следует напомнить, какой ценой отстояли мы родину от таких же орд много веков назад. Идея романа тоже отчетливо определилась. Не вполне ясен был вопрос о языке... “между чита-

телем и произведением язык должен быть мостом, а не стеной” – думал я. Словотворчество лишь тогда допустимо, а порой и необходимо, когда в язык вводится понятие, до того времени неизвестное и не имеющее надлежащего слова для своего выражения. Некоторые, сами не владея богатствами родного языка, ищут эти богатства на стороне, вытаскивая их из древних книг или еще чаще из словарей, а особенно из словаря Даля. Но к чему это приводит, примером может служить сам Даль, писавший под псевдонимом Казак Луганский: навязчивый, не вяжущийся с темой, не живой, а надуманный язык его произведений послужил одной из причин забвения его книг, по материалу и образам, заслуживавшим лучшей участи. Язык определялся материалом, характерами действующих лиц, избиравших для себя речь столь простую, что она ясна была и для нашего времени.

<...>

Две трети романа уже остались позади, когда я задумался о месте, где смогу его опубликовать. В те годы с удивительной последовательностью возникали различные литературные законодатели, считавшие историческую тему чем-то чуждым, даже вредным, отвлекающим от современности... потому что где-то кем-то уже дан знак воздерживаться от публикации исторических романов. Роман Яна “Чингисхан” застрял в дебрях Гослитиздата. (Мои попытки прочитать его хотя бы в рукописи оставались тщетными (Сергея Бородина. – *Прим. авт.*). “Петр Первый” вышел лишь под нажимом настойчивого автора. Но я убеждался, что поход против исторической тематики мог быть только порождением невежества, незнанием литературы и законов ее развития. В этих раздумьях, чувствуя свою беспомощность, я прервал работу над романом, перерыв в работе продолжался месяца три. Но однажды августовским вечером кто-то постучался ко мне. На пороге показался писатель Александр Митрофанов, секретарь редакции журнала “Красная новь”, Митрофанов привез мне коротенькую записку от Фадеева: “Саша расскажет, какое у нас к тебе дело”. Наконец он сказал:

– Дело вот в чем: в каком состоянии твой исторический роман?

– Две трети написано. Но кому он нужен!
– Нам.
– А откуда ты о нем знаешь?
– А ты в прошлом году говорил Фадееву, что начал писать?
– Говорил мимоходом.
– Он считает, что, если тогда ты начал, дело подходит к концу.

– Да и был бы конец, если бы не сомнения.

И я рассказал о положении с исторической темой в наших редакциях. Он выслушал и спросил:

– Короче, на какой номер нам планировать “Донского”?

– В ноябре я кончу.

– Значит, ставим на январь.

В январе 1941 года журнал открыл этим романом свой год. Тогда никто не знал, каков он будет, этот 1941-й...»

Роман был опубликован под собственным именем писателя. В его языке и содержании сказались плоды многолетнего, скрепулёзного изучения быта и культуры Древней Руси, сочетавшие вкус к детализированному описанию и углубленному психологизму, но и непрременной социальной мотивацией образа мысли и действий героев и, конечно отчетливой патриотической тенденциозностью, вполне оцененной читателями и критикой, хотя в издательстве «Советский писатель», рецензенты и направили главный удар на то, что среди положительных героев оказался Сергей Радонежский. Фадеев, узнав об этом, вмешался столь решительно, что все замечания были отброшены и без каких-либо поправок роман вышел в свет в самом начале войны. Весь тираж книги сразу ушел на фронт. «В том же году зимой Фадеев привез мне с передовых позиций из района Рузы экземпляр этого романа, пробитый осколком фашистского снаряда». И присуждение ему Сталинской премии в тяжелейшем 1942-м было вполне закономерным. В военные годы писатель возвращается к журналистской работе, пишет фронтовые очерки для «Правды» и других центральных газет. Некоторое время работает на Балканах – в Румынии, Югославии, Болгарии. Но с 1947 г. работа над большим романом «Андрей Рублев», была

остановлена и Комитет по кинематографии «зарубил» сценарий «Дмитрия Донского».

Вновь жизнь круто менялась и в 1950 г. писатель окончательно покидает Москву и переезжает в Ташкент, по настоянию врачей.

Возможно, что были и другие обстоятельства, но все же писатель прав, в том, что этого требовала тема, которую он задумал: «Хотелось вникнуть в образ завоевателя, раскрыть его характер, понять историческую основу завоеваний. В эту тему на современном материале вклинились бы слишком конкретные черты... Нужно было взять героя из какой-то более отдаленной эпохи. Я выбрал Тамерлана, о котором большой материал в форме рукописей, преданий, легенд, предметов материальной культуры хранится в Узбекистане... Думая о Мамае, я не мог забывать о таком его современнике и даже личном покровителе, как Тамерлан. Поэтому еще в то время у меня накопился ряд сведений о Тамерлане и его владениях. Интерес к этому времени был понятным развитием темы Донского с той существенной разницей, что Донской являлся освободителем своего народа, а Тамерлан сам стал завоевателем и разорителем чужих культур. Но сколь обширен материал, как много больших событий потребует своего изображения, этого я еще не предвидел, когда в 1951 г. начал писать первый роман из цикла «Звезды над Самаркандом». Я видел, что роман разрастается, ломая первоначальный план, видел, что материал не укладывается в одну книгу, но герои уже вступали в свои права, тянули меня к столу и диктовали свою жизнь и воспоминания, как реальные люди. К тому же лет пятьсот тому назад они и были реальными людьми, и об этом следовало помнить, чтобы не превратить исторических людей в тряпичные куклы: исторический роман – это отнюдь не театр кукол. Исторический роман – это встреча с живой действительностью минувших веков... Материал начатого романа был столь обширен, что понадобилось дополнительное изучение и проверка первоисточников; понадобилось полное знание тех стран и народов, где раскинется действие. И вот начались длинные дороги.словно в обозе Тамерлана я тащился вслед за его воинством, смотрел его дела, запоминал

их и записывал. А с действиями героев связаны были и Каир, и весь Ливан, и Дамаск вместе со всей Сирией, и Иерусалим с окружающими его озерами и пустынями, и Багдад с его золотыми мечетями, вся Турция от края и до края, и Константинополь, и Трапезунд, и Арзурум, и весь Тунис, и Генуя, и Венеция, и страны на Балканах... И ничего нельзя было описать, не побывав там, а в иных местах по два и по три раза, чтобы их лучше понять. Длинные дороги иногда ради двух-трех страниц в книге. Эта та невидимая работа, которую не нужно знать читателю, но без которой нельзя овладеть одной из основ – достоверностью... исторический роман – это не столько и не только история, это сама жизнь, сбросившая все наслоения последующих веков и вставшая в том виде, в каком она сияла когда-то на земле. И ее нужно увидеть своими глазами, прежде чем описывать. Учебник и даже монография – это только костяк былого, а писателю нужен не костяк, а живое тело... Между историком и писателем есть существенная разница: историк включает в свое сочинение весь материал, и чем больше он найдет и включит этого материала, тем ценнее считается его труд. Писатель должен до мелочей знать все, что знает историк, но выбрать для своей книги наиболее выразительную часть собранного материала, иначе колесница действия и движение образов увязнут в деталях и фактах.

Первый роман из цикла «Звезды над Самаркандом», «Хромой Тимур», был закончен и опубликован в 1953 г. Было даже так: во время работы законченную главу писатель отдавал редактору ташкентского журнала «Звезда Востока», и пока еще работал над следующей, уже приходили читательские отзывы на опубликованные главы.

Бородин вспоминает: «Были и очень странные отклики. Один, казалось бы, образованный человек взвалил на меня обвинения чуть ли не в религиозной пропаганде, в восхвалении феодальных обычаев и подкрепил цитатами из моих же текстов, приписав автору высказывания героев. Но героями моими были и муллы, и носители феодальных заветов, и я не мог бы не раскрыть их, если бы не дал им слово, не помог бы высказать свои взгляды. Таков извечный прием любого романиста, именуемый косвенной речью, иначе и Льва Толстого

можно обвинить в исповедании тех истин, которые у него изрекает Наполеон!»

Второй роман цикла, названный «Костры похода», автор смог писать только после долгого перерыва: потребовалось не только несколько поездок в Закавказье и в Восточную Турцию, но и розыски в армянских архивах, изучение малоизвестных первоисточников, памятников материальной культуры, уцелевших в многострадальной Армении за пятьсот с лишком лет со времен Тамерлана.

«В Стамбуле турецкие друзья познакомили меня с одним коллекционером древних документов и книг. Еще раньше я знал, что в наследство от своего деда он получил собственноручное письмо Тамерлана. Можно ли было пройти мимо такого архива? Знакомство состоялось. Ради нашего общего друга, познакомившего нас, он согласился показать мне это письмо. Но поставил несколько существенных условий: со мной не будет никого, кто мог бы, кроме меня, видеть этот документ, я не должен иметь при себе ни фотоаппарата, ни записной книжки, ибо первую публикацию бесценных документов осуществит он сам в удобное для себя время. Понадобилась целая неделя, чтобы только взглянуть на письмо – листок, украшенный двумя подлинными прикосновениями печати Тамерлана... И уже из расположения ко мне владелец дал мне это письмо в руки. Пожелтевший, почти прозрачный пергамент. Порыжевшие чернила. Тесные строчки, в двух местах остались следы брызг. Может быть, тогда шел дождь, может быть, у Тамерлана слезились глаза. Я держал листок, и он словно бы рассказывал мне обо всем, что окружало его, пока просыхали чернила, – о людях, стоявших вокруг, о расписном потолке над ним, о дождливом дне за открытым окном. Так прикосновение к вещам, участвовавшим в событии, раскрывает само событие. Монета напоминает о базаре, который шумел, когда она, чистенькая, только что отчеканенная, лежала в теплой ладони купца. Книга, сохранившая след своего читателя – он загнул страницу, когда его отвлекли от чтения, – и через пятьсот лет я замечаю место сгиба. Разве эта книга не рассказывает? Но такие поиски, как правило, не нужны историку: на монете нет даты, а имя правителя стер-

то. Книга – лишь список с другой книги ничем от той не отличающийся... Здесь тоже существенное различие между историком и художником. И кто из них более достоверен?!»

«Молниеносный Баязет», опубликованный в «Дружбе народов», принес Бородину звание народного писателя Узбекистана, а за два предыдущие романа правительство его удостоило премией Хамзы.

Почему? Здесь есть несколько привходящих, но очень важных для современности обстоятельств. Уже в 60–70-х гг. вновь обратившаяся к национальным корням часть интеллигенции Узбекистана стала рассматривать Тимура, как родоначальника узбекской (шире, тюркской) государственности. После разрушительного ташкентского землетрясения 1967 г. в республику были направлены колоссальные средства бюджета СССР. Это позволило, в частности восстановить целый ряд уникальных средневековых памятников Самарканда, Бухары и других древних городов, резко возрос поток туристов, все это способствовало и подъему национального самосознания, но эти средства, в том числе и пропагандистские, были «освоены», прежде всего, республиканской бюрократией, которая после благоденственных «брежневских» лет и кратковременного «горбачевско-гдьяновского» шока стала полной хозяйкой нового государства. Вот тут-то Тимур и тимуриды оказались особенно к месту. Еще в 60-х гг. Бородин вспоминал: «Среди читательских писем появилось несколько раздраженных, наполненных упреками в том, что Тамерлан у меня жесток и не может быть образцом для подрастающего поколения...» Эти процессы получили свое продолжение на рубеже XX и XXI вв., когда началась стремительная этнизация национальной истории. Как отмечают исследователи: «превращение этнической общности в этнополитическую требует органицистского подхода, рисующего общество спаянным организмом с закрытой строго очерченной культурой... Этнический национализм увлечен идеей автохтонизма, обосновывающей высокий статус коренных народов и прочно связывающий их с территорией своего нынешнего обитания... он без устали ищет моральные образцы для подражания, рисуя предков победоносными завоевателями, культуртрегерами,

создателями культурных ценностей и государственности... все это служит легитимизации современной политики и способствует эффективной политической мобилизации...»²⁷. Жесткие авторитарные режимы центральноазиатских государств и нашли образцы для себя, в Таджикистане – царство Саманидов, в Туркменистане – кочевые союзы йомудов и эрсари, а в Узбекистане, с гораздо большим основанием – империю «железного хромца» и его потомков, а то, что далеко не все тимуриды были Улугбеками, как-то не афишируется. Бородин еще задолго до этих процессов возмущался: «Я не могу сочувствовать национально ограниченным людям, которые воспитывают детей по образу и подобию феодала-завоевателя. Этот образ сложился не за тем, чтобы с него брать пример, а для того, чтобы не быть на него похожим». Но центральноазиатская олигархия, как раз очень хочет быть похожей на Тимура, а имеющаяся там контрэлита ей ничуть в этом не уступает.

Впрочем процесс этнизации исторической памяти отнюдь не свойственен только центральноазиатским государствам. Точно так же сейчас действуют и историки в странах Балтии, на Украине, в Грузии, Азербайджане, Украине, короче на всем постсоветском пространстве, не исключая России, достаточно посмотреть на мутный поток псевдословянского фэнтези, псевдоисторические конструкции так называемых «родноверов», опусы «альтернативной истории». Впрочем, эта тема совершенно отдельного исследования. А романы Сергея Бородина издаются, переиздаются не только в Узбекистане, но и в России.

²⁷ См.: Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 360.

Глава 3

«За вашу свободу?» – Л. Никулин

Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Александр Одоевский.

При известии о польской революции

Никулин Лев Вениаминович (урожденный Лев Владимирович Ольконицкий), (1891–1967) – известный русский писатель, поэт, журналист, сценарист и дипломат; лауреат Сталинской премии третьей степени (1952), один из основателей журнала «Иностранная литература». Как вспоминает его младший современник, впоследствии известный детский писатель Лев Кассиль: «Он начал писать и печататься тогда, когда люди моего поколения лишь учились еще читать».

Родился в семье актера и антрепренера в Волынской губ. С 1911 г. начал сотрудничать в сатирических журналах и газетах (стихи, фельетоны, рецензии). В 1910–1911 гг. слушал лекции в Сорбонне, в 1912–1918 – в Московском коммерческом институте.

С самого начала революции безоговорочно встал на сторону Советской власти, участвовал в Гражданской войне, работая в культпросвете Красной армии с 1919 г., в бюро печати Украины и в агитпросветуправлении КВО. В 1919–1921 он уже начальник политпросветчасти Политуправления БФ и участвует в подавлении Кронштадтского мятежа. В 1921 г. с советской дипломатической миссией ездил в Афганистан. С 1922 г. целиком отдался литературной деятельности. Совершил ряд поездок во Францию, Италию, Германию, Испанию, Турцию и пр. От героической агитки, революционной лирики, политической сатиры, часто примитивных по своим художе-

ственным средствам, он переходит и получает известность, как писатель, к художественной прозе (1923–1924). Но с точки зрения РАППовской критики он остается «художником мелкобуржуазной интеллигенции, тесно связанной с богемно-артистической средой» и сочетает в своем творчестве увлечение романтико-авантюрными мотивами революционной борьбы с иронически-скептическим отношением к буржуазно-мещанской действительности»²⁸.

В начале 20-х гг. его судьба, как писателя и дипломата, тесно связана с именами бывшего командира Балтийского флота Федора Раскольников и его жены Ларисы Рейснер. В составе первого советского посольства в Афганистане в 1921–1922 гг. он заведует бюро печати советского Полпредства, а затем служит секретарём Генерального консульства в Кабуле. В это время он не только публикует очерки об Афганистане, но пытается работать в жанре революционно-приключенческого романа. Борьба оппозиционной и правительственной партий Гюлистана (намек на реальный Афганистан) за обладание неким дипломатическим документом, разоблачающим продажность министров, составляет содержание романа «Никаких случайностей» (1924). Критика нехотя признавала, что: «знакомя читателя с обстановкой Афганистана, с методами дипломатии империалистических государств... <роман>, обладает известной социально-познавательной ценностью»²⁹. Но уже следующий роман того же типа – «Тайна сейфа» (1925), подвергся критике, за то, что «в нем, от революционной романтики» не остается следа», а главное, что «психологическое содержание образов зачастую лишено социально-типического значения, заострено на необычности положения»³⁰.

Особенно жестким нападкам РАППа подвергся роман «Адъютанты господ бога» (1927), исторически-документальное повествование о разложении и распаде Российской империи в 1914–1917 гг. И хотя критика должна была признать, что автор «добросовестно использовал исторические материалы»³¹,

²⁸ Владиславлев И. Литература великого десятилетия. М. ; Л. 1928.

²⁹ Владиславлев И. Указ. соч. С. 128.

³⁰ Там же. С. 129.

³¹ Лежнев А. Обзор литературы // Красная новь, 1927. Т. 5.

но далее упреки все более стереотипны: «Никулин все же не сумел показать исторического движения, борьбы классов, приведшей к Октябрьской революции», а вывод закономерен: «Узость горизонта мелкобуржуазного интеллигента, не умеющего за внешностью явлений разглядеть и ощутить логику социально-исторического процесса..., тогда как роль революционной организации, фигуры большевиков и рабочих остались очерченными схематично и бегло»³².

Тем не менее, только до начала Великой Отечественной войны Никулин сумел опубликовать более 20 романов, рассказов, пьес и сценариев, в то же время, внимательно следя, как автор «Правды» за европейскими событиями, он часто бывает на Западе. Очерки Никулина («Письма об Испании», 1930) и двухтомный роман «Время, пространство, движение» (1931–1932) получили поддержку Михаила Кольцова и Алексея Толстого. Но ортодоксальная критика все-таки отметила: «...автор обнажает социальную почву, на которой возникали романтические шатания «молодого человека XX столетия»: среду либеральных литераторов и аристократической богемы, «платонических социалистов» и прекрасодушных мечтателей, восхищающихся героями «индивидуального террора»³³.

Другой критик отмечал: «В книге нет последовательности мемуарного изложения. Действие эпопеи развивается крайне свободно и непринужденно, повинувшись ассоциациям автора, прерываясь комментирующими лирико-публицистическими отступлениями, вставными новеллами-биографиями различных эпизодических персонажей. В итоге, получается объединенный единством лирической повествовательной интонации, не чуждой легкой иронии, своеобразный монтаж литературных портретов (Л. Рейснер, В. Маяковского, А. Куприна, А. Вертинского, народовольца-эмигранта О. Слепцова и пр.), литературных пейзажей, зарисовок городов и нравов, отдельных новеллистических эпизодов из жизни героя-автора и т. п. В своей автобиографической эпопее Никулин подвел итог прошлому той части советской интеллигенции, которая

³² Лежнев А. Указ. соч.

³³ Скоблин Ю. // На лит. посту. 1932. № 11.

нашла свое место в рядах революционного пролетариата»³⁴. От дальнейших рапповских проработок писателя спас Горький, опубликовав на роман одобрительную рецензию³⁵.

Напротив, известный исследователь советской литературы, крупный ученый-славист В. Козак однозначно отрицательно оценивает творчество Никулина: «Своим положением в советской литературе Никулин обязан лишь своей административной деятельностью в СП и близости к органам НКВД. Проза Никулина страдает композиционной рыхлостью, причем это касается как отдельных фраз, так и эпизодов, и целых произведений. Ему никогда не удавалось создать понастоящему завершённое художественное произведение. Сюжетные линии тонут в бесконечных отступлениях...»³⁶.

Насчет близости к НКВД Козак, может быть и прав. Боевой товарищ Никулина по Красной Армии Николай Равич, работавший с ним и Раскольниковым в Афганистане, отсидел в лагерях с 1937 по 1954 гг., причем арестовывался дважды, а в это же время Никулин награждался орденами и свободно передвигался по Европе. Во время войны Никулин с семьей живет в Челябинске, но не прекращает журналистской и литературной работы. И в 1946 г. выходит его исторический роман «России верные сыны», получивший тогда же Сталинскую премию 3-й степени. Вот на этом романе мы остановимся поподробнее.

В послевоенной околотитулярной Москве тоже ходили упорные слухи о близости писателя к разведке. Но целый ряд исторических фактов явно заимствован из «открытых источников», например из многотомной монографии А. Вандаля «Наполеон и Александр I» (СПб., 1910). Главный герой романа, молодой поручик, а затем капитан гвардейской артиллерии Александр Платонович Можайский, недавний студент Гёттингенского университета, свободно владеющий немецким, английским, французским и польским языками, посту-

³⁴ См.: Дымшиц Ал. // Залп. 1932. № 9; Усиевич Е. Романтики прошлого и пафос революции // Лит. газ. 1932. № 32.

³⁵ Горький М. Письмо Льву Никулину // Лит. газ. 1932. № 32.

³⁶ Козак В. Лексикон русской литературы XX века : пер. с нем. М., 1996. С. 283.

пает в конце 1812 г. из гренадерской дивизии в легкоконный, сейчас бы сказали – разведывательно-диверсионный, отряд русского разведчика Александра Ивановича Чернышева, знаменитого своею секретною деятельностью в Париже, Варшаве, Стокгольме (кстати, в романе опущено, что агент Чернышева в Париже был раскрыт и казнён, именно по вине Чернышева, зыбывшего его записку с донесением. – *Прим. авт.*) Памятливому читателю Чернышев более известен как военный министр Николая I, коего, и во многом справедливо, обвиняют в поражении русской армии в Крымской войне и которому адресовались многочисленные прошения о награждении и пенсионе.

По ходу повествования, уже в 1813 г., Можайский служит в военно-политической разведке. Под видом французского дворянина доставляет польским офицерам компрометирующие Наполеона бумаги; помогает доставить через занятую французами территорию депеши государственной важности из Лондона; в штатском платье собирает информацию о настроениях в занятом союзниками Париже; с тайным заданием перебирается в Лондон накануне визита в эту страну российского императора, отправляется военным агентом в Копенгаген.

Кажется, допущенный в архивы и спецхраны писатель Никулин осведомлен был и о делах масонских, иначе не сделал бы капитана Можайского членом Великой Ложи Астреи Избранного Михаила и не привел бы его в Парижскую Ложу Великого Востока, завершив эту тему следующими осудительными словами: «Разыскал передник и эмблемы масонские и приказал... бросить в Сену».

Но не масонскими разоблачениями (их и нет толком в романе) заслужил после Великой Отечественной писатель Никулин Сталинскую премию. Прежде всего, вышедшее на волне эйфории от освободительного похода в Европу Советской Армии повествование привлекло внимание именно польскими эпизодами. Проблема «сердца Европы», так называет Польшу, а шире Восточную Европу, крупнейший английский историк Норман Дэвис, именно в 1946–1947 гг. была острейшей в мировой политике. Еще существовало подполье, в котором остатки Армии Крайовой пытались сопротивлять-

ся устанавливавшемуся в Польше коммунистическому режиму, еще действовали в Прибалтике и на Украине «лесные братья», еще держались старые партии в правительствах Венгрии и Чехословакии. Восточная Европа действительно напоминала «кипящий котел», «железный занавес» еще не был таким непроницаемым, а Черчилль только недавно (5 марта 1946 г.) произнес свою Фултонскую речь:

«Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой Альянса. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем, и есть ли какие-то границы их экспансии... Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира... От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы...³⁷

Уже через 9 дней 14 марта в интервью «Правде» Сталин ответил Черчиллю:

«...*Вопрос.* Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин

³⁷ Черчилль У. Статьи и речи. М., 1997. С. 87.

Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира...

Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза... нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в

этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу.

Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу?

Господин Черчилль утверждает, что «Польское правительство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию».

Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР. Было время, когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям вроде господина Черчилля играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу под видом защиты от русских, запугивать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией уступила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Что касается нападок господина Черчилля на Советский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Бер-

линской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы?

В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий – от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у господина Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании, – не ждите ответа от господина Черчилля.

Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управляли Соснковский и Андерс, Югославией – Михайлович и Павелич, Румынией – князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией – какой-нибудь король из дома Габсбургов и т. п. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить «подлинный демократизм». Таков «демократизм» господина Черчилля...»³⁸.

А вот, как изображены хозяева Польши в романе о 1813 г. после неудавшегося похода Наполеона и гибели тысяч польских солдат в русских снегах: «...Друзья мои, – примирительно провозгласил красивый, статный ксендз, сидевший по правую руку князя, – как бы там ни было, земли, отошедшие к польской короне на Люблинском сейме без малого двести пятьдесят лет назад – Волынь, Киевщина, Подолия, – суть земли короны, а не Руси. И пока в наших жилах хоть капля шляхетской крови – земли по Днепру принадлежат короне. Не будет мира между нами и схизматиками до тех пор, пока москаль не преклонит колено перед вечным статутом Люблинского сейма. Крики «Да будет так!», гром рукоплесканий на мгновение оглушил Можайского. «Вот оно что... – думал он – вот чего хочешь ты, святой отец, вы – доминиканцы, иезуиты и алчная шляхта... Рим и посейчас сеет вражду между нами и поляками, ты знаешь, чего хочешь – хитрый поп, выученик Римский...»³⁹.

³⁸ Правда. 1946. 14 марта.

³⁹ Здесь и далее текст цит. по: Никулин Л. В. России верные сыны // Собр. соч. Т. 1. М., 1979.

Кстати более поздние исследователи придерживались такого же мнения: «Если бы Понятовскому (маршал Франции, командующий польской армией Герцогства Варшавского в 1807–1914 гг. – *Прим. авт.*) удалось отнять у Австрии Галицию, то поляки, почти несомненно, потребовали бы возвращения своих провинций, находящихся под властью России⁴⁰.

Вот как решился польский вопрос после Венского Конгресса: «Была весна 1815 года. Польский вопрос был по-прежнему камнем преткновения для дипломатов, собравшихся на конгрессе... Наконец 30 апреля Александр подписал рескрипт: “Королевство польское будет соединено с Российской империей узами собственной конституции, на которой я желаю основать счастье сей земли”. Вышло решение, что «поляки, находящиеся в подданстве высоких договаривающихся сторон, будут иметь национальные государственные учреждения, согласные с тем родом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу совладений». Это было одно из тех неясных решений, в которое мало верили поляки и еще меньше верили уполномоченные держав, подписавшие его».

А вот в конце романа, беседуют два республиканца, будущий декабрист и будущий участник Польского восстания 1830 года:

«Я буду у вас недолго. Расскажите мне, что творится в Вене. Тадеуш <Костюшко> возлагал большие надежды на свидание с царем.

Можайский задумался перед тем, как ответить...

– Одно только для меня ясно. – Польша получит Конституцию. Вы поляки счастливее нас русских!

– Конституция... Я пересек Польшу пешком и верхом с запада на восток и с севера на юг. Я говорил с горожанами и крестьянами, с учителями, с серой шляхтой и вот удивительное единомыслие – все боятся и ненавидят Константина. Есть еще одно препятствие – старый спор разделяет два едино-

⁴⁰ Крейе Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799–1814. М., 2010. С. 101.

племенных народа... Литва и Преднепровские земли... есть люди, которые не могут забыть, что граница между Польшей и Россией проходила под Миргородом...

Можайский в волнении вскочил с кресла:

– Думаете ли вы, что крестьяне, живущие на правом берегу Днепра, будут счастливы, если вместо русского губернатора будет сидеть польский воевода?

– Вы знаете меня, – сказал Пекарский, и голос его дрогнул, – дело народа решать, быть ли ему под властью России или Польши. Мы слишком страдали от этих старых споров. Если бы <наш> союз осуществился, мы были бы все вместе с нашими братьями славянами на Балканах и Адриатике. И Польша имела бы границы Болеслава Храброго, она вернула бы себе законные Пястовские владения до реки Одер. Кто знает, будет ли такое время?

– Будет – охваченный страстным порывом, воскликнул Можайский».

Герои романа встретятся в 1831 г. в сибирской ссылке.

В момент выхода романа, а особенно его награждения Сталинской премией (1952) все уже было значительно яснее. Пало многопартийное чехословацкое правительство, начались репрессии Готвальда и Берута, бежал из своей столицы румынский король Михай, получивший раньше от Сталина орден Победы, на западной Украине во всю шли репрессии против УПА и греко-католиков. И Сталин, конечно, одобрил идеи славянского братства до Адриатики, но под своей эгидой.

Но в романе есть и другой слой. Задолго до вышедшего на экраны в 2002 г. звездного – с Кристианом Клавье, Жераром Депардьё, Изабеллой Росселини, Джоном Малковичем – сериала Ива Симоно «Наполеон» по роману Макса Галло, со страниц романа читатель услышал знаменитую роковую реплику Наполеона в Дрездене, брошенную, как перчатка, в лицо посланнику императора Австрии графу Меттерниху в малахитовом зале дворца саксонских королей и фактически завершившую перемирие 1813 года:

«Казалось, все стихло за дверями, но <вновь> раздался грохот, разбилось что-то стеклянное и послышался крик:

– Тогда – война!..

Спустя минуту из дверей вышел человек, бледный, с напудренными волосами. Маленькая голова с выдвинутой вперед челюстью придавала нечто змеиное его облику. На богатом, расшитом золотом мундире сверкали бриллианты нашейного ордена. Генерал, только что закрывший дверь, пошел ему навстречу и взял об руку. И господин Вессад (он не был так глух, когда это было нужно) услышал, как этот человек сказал генералу: «Клянусь вам, он потерял рассудок...». Господин Вессад снова повернулся к Мерие; губы старика зашевелились, он посмотрел в сторону человека, которого увел под руку генерал. – Князь Меттерних... – скорее прочел по губам, чем услышал, Вессад». Описывая эту сцену, Никулин, очевидно, пользовался цветной репродукцией известного портрета Меттерниха кисти Томаса Лоуренса, относящегося ко времени между 1821 и 1825 годами. Клеменс, Венцель, Непомук, Лотар фон Меттерних-Виннебург, Бейлштейн изображен в действительно богато расшитом золотом мундире канцлера двора и государственного канцлера Австрийской империи, коим он стал 13/25 мая 1821 г.

Меттерних в то нестрогое время мог гордиться иною наградой – любовью красивых женщин, среди которых следует назвать жену маршала Мюрата Каролину Бонапарт, беспутную жену П. И. Багратиона Екатерину Павловну Скавронскую, родившую Меттерниху дочь Клементину, и внучку недоброй памяти фаворита Императрицы Анны Иоанновны Эрнста Бирона герцогиню Вильгельмину Саган. Естественно, что в романе Меттерних – однозначно отрицательный персонаж, как и вся австрийская политическая система. Мы не знаем, знаком ли был писатель с работами европейских историков первой половины XX в., но его оценка Австрийской империи и ее крупнейшего государственного деятеля почти полностью совпадает с оценкой В. Библа в монографии «Меттерних – демон Австрии» (Вена, 1936), в которой историк обвиняет канцлера во всех несчастьях империи, включая распад 1918 г.

Американский историк Э. Э. Крейе в своих исследованиях 60-х гг. прошлого века, основанных на материалах Государственного Архива Австрии, дает другую, более взвешенную оценку Меттерниха: «Начиная с 1807 г. обстановка в Цен-

тральной Европе определялась высокомерным франко-русским посредничеством, способствовавшем краху Австрии в 1809 г. (имеется в виду разгром Австрии при Ваграме и занятие Вены. – *Прим. авт.*). В те годы, любая тема, обсуждавшаяся в Вене, сводилась к вопросу о том, какая из двух держав – Франция или Россия – более опасна для Австрии... он <Меттерних>... не нуждался в перлюстрации перехваченных писем и других убедительных свидетельствах недоброжелательности Александра»⁴¹.

Более того, исследователь прямо указывает, что «Александр менял политический курс по собственной прихоти, <вначале> санкционировав декларацию Кутузова (обращение главнокомандующего русской армией о единстве Германии в борьбе с Наполеоном. – *Прим. авт.*), но затем... его задачей стали поиски формулы, которая обеспечила бы ему максимальную поддержку в “третьей Германии” (т. е. малых германских государств. – *Прим. авт.*) без утраты поддержки Пруссии... Противоборство <Меттерниха> с Наполеоном перешло в противоборство с Александром...»⁴²

Собственно, главная мысль романа Никулина в том, что Сталин решает вопросы Восточной Европы, следуя Александру Благословенному, но гораздо удачнее его. Недаром, в некоторых кругах русской эмиграции и первой, и второй волны часто высказывались предположения, что Сталин, коронуется после победы над Гитлером.

Но вот как выглядит в романе Александр Освободитель или Благословенный в зарубежных походах нашей армии в 1813 и 1814 гг., которые завершились его блистательным въездом в Париж через ворота Сен-Мартен 19 марта 1814 г. со свитой, состоявшей из тысячи генералов и офицеров союзных армий, среди коих были и принцы королевской крови. «Он был статен, прекрасно сидел на коне и всегда выглядел наряднее государей-союзников». А вот довольно точная картина, пожалуй, самого известного эпизода первого дня (4 октября 1813 г.) «Битвы народов» – четырехдневного, победно-

⁴¹ Крейе Э. Указ. соч. С. 380.

⁴² Там же. С. 382.

го для нас, Лейпцигского сражения – атаки 80 или 100 эскадронов конницы Мюрата, на состоявший из русских и прусских войск центр Богемской армии. Происходило это к югу от города между двух дорог. Французская кавалерия в 10 тыс. всадников построилась между деревнями Вахау и Либертвольквитц и всей массой обрушилась на русский 2-й пехотный корпус прорвав его центр. Французская кавалерия почти достигла деревни Гюлденгосса, именуемой в наших книгах просто Госсой, и подножия холма.

В романе Никулина:

«– Неприятель сосредотачивает все силы у Вахау, – докладывал Раевский, – сейчас ждем его атаки...

– Кавалерия? – стараясь говорить спокойно, перебил Александр и показал перчаткой на темное, поблескивающее металлом пятно впереди.

– Кирасиры! Сейчас нас атакуют.

Барклай в зрительную трубу видел выезжавших из рощи русских гусар. Они выезжали по три справа, и он побледнел от ярости, – сейчас эти тонкие линии будут прорваны сплошной массой тяжелой французской кавалерии.

Александр оглянулся, – глубокий овраг лежал позади. Он подумал о том, что, смяв гусар, кирасиры налетят на них, и они тоже могут быть смяты и опрокинуты в овраг. Но Барклай видел, что вдоль оврага красной каемкой атели мундиры конвоя лейб-казаков. Он махнул платком лейб-казакам, и девять сотен лучшей в мире кавалерии бросились навстречу кирасирам.

– Ожидаю артиллерии, – глухим и усталым голосом сказал Барклай. – Я отдал приказ генералу Сухозанету, чтобы все резервные батареи на рысях шли к Госсе.

– Тогда – ура! – воскликнул Раевский.

– Гвардейскому корпусу приказано вас поддержать, – тем же глуховатым голосом продолжал Барклай и поглядел на Александра: – Ваше величество, благоволите отъехать шагов на двадцать.

Александр отъехал на двадцать шагов, – этим он хотел показать, что здесь хозяин главнокомандующий, Барклай, и что не будь приказа, он бы остался на месте. Отъехав, он поглядел в зрительную трубу на атаку лейб-казаков.

– Они сосредоточены у Вахау, мы – у Госсы. Кому прежде подспеют резервы – тот победит, – сказал Александр, обернувшись назад и встретил искательный взгляд Волконского. – Спросите у Михаила Богдановича: где же резервная артиллерия?

Но прежде чем Волконский устремился к Барклаю, неслыханный грохот орудий потряс небо и землю. Орудия русских резервных батарей открыли огонь по неприятелю...»

Судя по описаниям военных историков XIX в. (Богдановича, Агафонова и др.), занимавшихся историей заграничных походов русской армии – советский писатель, лауреат и орденноносец Лев Вениаминович Никулин допускает (вероятно, с умыслом) только одну неточность. Он приводит на холм за деревней Гюлденгосса Барклая де Толли, который на самом деле находился при резервах несколько сзади, у Магдеборна, и приписывает ему распоряжения, отданные на поле боя самим императором Александром I.

Мы уже говорили, что роман писался с 1946 по 1952 г., а еще десятью годами ранее за одно упоминание имен императора Александра, Михаила Богдановича Барклая де Толли, Николая Николаевича Раевского, Ивана Онуфриевича Сухозанета, Петра Михайловича Волконского, прочих «крепостников», вне уничижительного контекста можно было обрести немалые неприятности, вплоть до «творческой командировки» на Колыму, за «пропаганду монархизма». Да и, несмотря на многочисленные оговорки автора, Александр выглядит в романе достаточно достойно. И это тоже соответствует исторической истине. Уже упомянутый Крейе уверенно утверждает: «У Александра было одно Отечество – Россия... с учетом этого политика царя выглядит, как тщательно продуманный курс, прерванный ненадолго войной 1812 года»⁴³. Вот собственно те соображения, по которым достаточно идеологичный роман и после смерти Сталина неоднократно переиздавался, да и сейчас пользуется у читателей (коих, правда, значительно меньше, чем ранее) популярностью.

⁴³ Крейе Э. Указ. соч. С. 179.

Глава 4

Социальная прогностика и история Древнего мира: И. Ефремов

Иван Антонович (Антипович) Ефремов (1908–1972) писатель всемирно известный. Его по справедливости считают одним из основателей современной фантастики. Но еще Ефремов – это классик науки об ископаемых организмах – палеонтологии. Его именем названы несколько вымерших древнейших животных, новый минерал, одна из малых планет Солнечной системы. И о его научной деятельности и творчестве уже существует обширная литература не только в РФ, но и на Западе⁴⁴.

Уже при жизни в литературных кругах его творчество классифицировали как «явление» или «феномен Ефремова». По признанию читателей и литературоведов, уже одни ранние рассказы и повести ставят его среди крупных писателей. Критик Е. П. Брандис в книге о писателе вспоминал: «Тяжело больной Алексей Толстой пригласил начинающего писателя в свою палату в кремлевской больнице и с места в карьер обратился с вопросом: «Рассказывайте, как вы стали писателем! Как вы успели выработать такой изящный и холодный стиль?»⁴⁵.

А поскольку разговор мог происходить только в начале 1945 г., то такой «комплимент» мог относиться лишь к первому сборнику «Пять румбов: Рассказы о необыкновенном» (1944). И неудивительно, что в послевоенной истории Союза писателей СССР Ефремов остается единственным, кого пригласили в СП «автоматом», без заявления, рекомендаций и прочих атрибутов, доказывающих значительность и право кандидата. Стремительное вторжение Ефремова-ученого в литературу произошло, в годы невиданного по масштабам

⁴⁴ См. напр.: Olson E. C. The other side of the medal: a paleobiologist reflects on the art and serendipity of science. Blacksburg, Virginia, 1990.

⁴⁵ Ефремов И. Собр. соч. : в 3 т. М., 1975. Т. 1. С. 476.

патриотического подъема и естественно, что произведения писателя находили живой отклик у читателей. В чем секрет его успеха? К появлению первых рассказов он успел «хлебнуть морского ремесла», поплавав в дальневосточных водах СССР, сумев получить (за два года!) диплом горного инженера и уже став профессором, широко и разносторонне образованным ученым – геологом и палеонтологом. Сам он, достаточно иронически вспоминает в письме к своему биографу В. Дмитриевскому: «Про себя в шестнадцать. Между ними (учеными. – *Прим. авт.*) путается совсем еще незначительная, ничего не знающая щенячья личность, у которой они все же видят основное – стремление к науке по любви, без всякого расчета. Впрочем, надо отметить, что в те годы идти в науку не представляло никакого расчета. Это был путь бедности, второстепенного места в жизни в сопровождении нескончаемого труда, но и в то же время путь широкого и свободного удовлетворения жажды знаний. Может быть, слабо оттенено охватившее всю молодую интеллигенцию того времени стремление к участию в размахе освоения страны, пятилеток, открывания нового повсюду, в том числе и в Сибири...»⁴⁶.

Вполне естественно, что первые этапы литературного творчества определялись спецификой его основных занятий: хорошо знакомой ему тематикой моря, геологических и палеонтологических экспедиций. Ну и наверняка здесь сыграло роль номенклатурное мышление руководителей СП. Включение в Союз писателей профессора, создателя новой теории в палеонтологии и лауреата Сталинской премии (1952) за научные достижения, да и автора отличных рассказов, было «престижно».

В СССР и за рубежом Ефремова издавали более 400 раз, и тираж его произведений превышает, на сегодняшний день 30 млн изданий. Конечно, тираж и популярность – не всегда показатель глубины, художественности творчества или социальной значимости писателя. Но и читатель бывает разный, так же, как и уровень образованности или культуры. Популярность Ефремова, была особенно велика среди молодежи,

⁴⁶ Ефремов И. А. Письмо к Дмитриевскому // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 74.

на его книгах воспитывались, без преувеличения, целые поколения. Для советской верхушки послесталинского времени именно его фантастические повести и романы: «Звездные корабли», «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы» были неоценимым оружием борьбы с «тлетворной буржуазной идеологией», причем оружием достаточно высокого качества. И недаром в 1968 г. «за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся», писатель был награжден орденом «Знак Почета». Кстати, ранние произведения писателя нисколько не потеряли своей увлекательности и для современного молодого читателя. С точки зрения тематики нашего обзора, особенно интересен добротный исторический очерк «Катти Сарк», посвященный истории знаменитого парусника и эпопее гонок чайных клиперов – скоростных судов, перевозивших драгоценный индийский чай в Англию, яркой страницы истории XIX в.

Но появление последнего романа «Час быка» (1970) вызвало у советских идеологов и комсомольских «воспитателей юношества» отрезвляющий шок. В изображенном социуме «беглецов с земли», железной диктатуры олигархов, настолько прозрачно угадывался позднесоциалистический СССР, что сразу после смерти тяжело болевшего писателя в его доме прошёл обыск, а КГБ стал усиленно генерировать слухи о «сотрудничестве с британской разведкой». Председатель КГБ Ю. В. Андропов 28 сентября 1970 г. в письме в ЦК КПСС прямо пишет, что Ефремов в этом романе «под видом критики общественного строя на фантастической планете «Торманс» по существу клеветает на советскую действительность»⁴⁷.

Вот краткая предъистория появления «Часа быка» в печати, по воспоминаниям вдовы писателя Т. И. Ефремовой:

«Писателя принял сам П. Н. Демичев – министр культуры СССР и оказалось, что романы Ефремова он читал лично и даже сделал комплимент, что облик автора, который представлялся по романам, у него совпал с «оригиналом». Разговор шел и о «Часе Быка». Министр говорил, что... книгу надо

⁴⁷ Вопр. литературы. 1994. № 3. С. 240.

издавать... только... сделать кое-какие правки, чтобы не было ненужных аналогий: вот у вас на Тормансе правление коллегиальное, Совет Четырех, а надо бы подчеркнуть единовластие <диктатора> Чагаса... Но Иван Антонович... Совет Четырех так и оставил... Но в 1972 г. произошло что-то такое. Как вакуум вокруг Ивана Антоновича образовался... мы снимали дачу под Москвой у вдовы академика А. Е. Ферсмана, которого Иван Антонович очень любил. И мы не сразу, но заметили, что... за нами следят. Опять что-то непонятное нависало... Чувствовал ли это Иван Антонович? Да. Он оставил мне «Книжечку советов», которую я нашла после его смерти... «...Помнить, что все письма не экспедиционные, не семейные, фото, записи, адреса – ничего не сохранилось с периода 1923–1953 гг. Я все уничтожил, опасаясь, что в случае моего попадания в сталинскую мясорубку они могут послужить для компроментации моих друзей. По тем же причинам я сам не вел никаких личных дневников... Но вот на что обращай самое тщательное внимание, соблюдай самую максимальную осторожность. Одно дело, пока ты со мной – в случае чего тебя не тронут из-за меня, если конечно самого не тронули бы. Оставаясь одна, ты подвергаешься опасности любой провокации и при твоей доверчивости и прямоте можешь пострадать... Может придти сволочь, прикинувшись твоим и моим другом или поклонником, вызвать тебя на откровенный разговор... а потом обвинить тебя в какой-нибудь политической выходке, схватить, а то и засудить... Все это памятью всегда, не пускай неизвестных людей, а впустив, никогда не говори... откровенно с неизвестным человеком. Немало шансов, что это окажется дрянь, подосланная или просто решившая воспользоваться беззащитностью...» И вот 4 ноября 1972 года... звонок в дверь...»

Значительно позже, тогдашние силовые структуры, так объяснили этот случай:

«Комитет Государственной Безопасности СССР. Управление по городу Москве и Московской области. Следственный отдел.

25.04.89. № 8/605. г. Москва...

На Ваше письмо в КГБ СССР от 9 марта 1989 года сообщаем, что действительно в ноябре 1972 года Управлением КГБ СССР по городу Москве и Московской области с санкции Первого заместителя Генерального Прокурора СССР был произведен обыск в квартире писателя Ефремова Ивана Антоновича, а также некоторые другие следственные действия в связи с возникшим подозрением о возможности его насильственной смерти. В результате проведения указанных действий подозрения не подтвердились.

Начальник Следственного отдела Управления (Подпись).

Согласно выдержкам из Протокола обыска: «Перед началом обыска Ефремовой Т. И. было предложено выдать указанную в постановлении на обыск идеологически вредную литературу, на что Ефремова заявила, что в ее квартире и у нее идеологически вредной литературы не имеется... В холле на полках обнаружено и изъято: машинописный текст под названием «Диалектика XX века». Фрунзе. 1963–1965 год. На 85 листах... В процессе обыска специалисты использовали металлоискатель и рентген...». Продолжим воспоминания Т. И. Ефремовой: «следователь, который протокол вел, не разбирая почерка, и последние письма Ивана Антоновича я должна была ему читать. Я еще спросила: “А вам не стыдно?”⁴⁸.

Так это было. Но вот почему это было?! Итак, обыск проводили на предмет изъятия «идеологически вредной литературы». Что по тем временам, считалось таковой?

Например, роман «Час быка», в котором сказано:

«Земляне (имеются в виду земляне фантастического будущего. – *Прим. авт.*) обнаружили странную особенность в передачах всепланетных новостей. Их программа настолько отличалась от содержания общей программы передач Земли, что заслуживала особого изучения... Ничтожное внимание уделялось достижениям науки, показу искусства, исторических находок и открытий, занимавших основное время в земных передачах... Не было всепланетных обсуждений каких-либо перемен в общественном устройстве, усовершенствований или проектов больших построек, организаций крупных

⁴⁸ Цит. по: Чудинов П. К. Мир Ивана Ефремова. СПб., 1991. С. 22.

исследований. Никто не выдвигал никаких вопросов, ставя их, как на Земле, перед Советами или персонально перед кем-либо из лучших умов человечества»⁴⁹.

Или:

«...По закону Стрелы Аримана...

– Что еще за стрела?

– Так мы условно называем тенденцию плохо устроенного общества с морально тяжелой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения, нести с собой все больше плохого, становиться вредоносной...»⁵⁰.

Или:

– «Я вижу, что у вас ничего не сделано для создания предохранительных систем против лжи и клеветы, а без этого мораль общества неуклонно будет падать, создавая почву для узурпации власти, тирании или фантастического и маниакального «руководства»⁵¹.

Или:

– «Когда человеку нет опоры в обществе, когда его не охраняют, а только угрожают ему, и он не может положиться на закон и справедливость, он созревает для веры в сверхъестественное – последнее его прибежище»⁵².

В наше время социальную фантастику Ефремова считают устаревшей и наивной. Как едко замечает современный публицист: «Зачитывались мы им по бедности, а читать надо было Толкиена и Льюиса. На них воспитывать подростков». Что ж, эти авторы – тоже утописты, хотя и на другой лад (консервативно-религиозный). Здесь мы не будем детально сопоставлять их общественные идеалы, затронем лишь один вопрос: Об искоренении зла насилием. В романе Ефремова путешественники с Земли гибнут только потому, что не могут обратить мощь своей техники против разумных существ,

⁴⁹ Ефремов И. // Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 168.

⁵⁰ Там же. С. 174.

⁵¹ Там же. С. 176.

⁵² Там же. С. 187.

даже если это враги. Напротив, у Толкиена убийство превращается в спорт: «Двадцать один! – воскликнул Гимли, взмахнув секирой и распластав последнего орка... Трупы орков свалили поодаль, и неведомо было, что делать с огромными грудями мертвечины. «И не возитесь с трупём, – велел <светлый маг>Гэндальф...»⁵³.

Но мы возвращаемся в СССР. Пока колеса репрессивной машины прокручивались, в издательстве выбросили из плана издания подписанное к печати пятитомное собрание сочинений писателя. Книгу «Час Быка», изъяли из библиотек, а название романа надолго исчезло из печати. Даже в аннотации ко второму изданию собрания сочинений Ефремова (1986) «Час Быка» не упомянут в числе произведений. Впервые он переиздан в СССР только в 1988 г. (правда, к тому времени, уже вышли переводы на польский, чешский и болгарский). Но именно сейчас социально-фантастическое творчество писателя, на наш взгляд, сохраняет неопределимое значение, особенно, когда мы все больше убеждаемся, что социальный прогресс невозможен без гуманизации личности и утверждения ее прав. А перечитывая историко-фантастические романы Ефремова, мы лучше узнаем прошлое, глубже понимаем настоящее и все-таки с надеждой смотрим в будущее.

Именно к исторической прозе относятся его повести, объединенные в дилогию «Великая дуга», состоящую из двух частей «Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены». Почти сразу дилогия была переведена не только на языки стран так называемой народной демократии, но и на французский, английский, португальский и иврит. Кроме того, советское издательство «Прогресс», издававшее книги на иностранных языках, выпустило ее в переводах на хинди, бенгали и даже суахили. То есть в обстановке появления независимых государств в Азии и Африке, творчество Ефремова, стало, в определенной степени, визитной карточкой новой советской «послесталинской» литературы.

Недаром, именно Ефремов стал прототипом «великого мага» Федора Симеоновича Киврина у Стругацких, сами авто-

⁵³ Толкиен Д. Р. Возвращение Государя. М., 1992. С. 37.

ры «Понедельника», который «начинается в субботу» это неоднократно подтверждали: «Безусловно! Федор Симеонович писался именно и только с Ивана Антоновича. По-моему, получилось очень похоже»⁵⁴.

Ефремов остается фантастом и в его исторических повестях, поскольку художественный вымысел преобладает над известными фактами, относящимися к какому-то периоду древнего египетского царства или Эллады, эпохи «доклассического» общества. Но его фантастика построена на реальных открытиях египтологии, античной археологии, искусствоведения и коренным образом отличается, например, от текстов американца Р. Говарда. Хотя и Говард в своих сказочных историях о Конане Варваре (популярном ныне герое фильмов, комиксов и виртуальных игр) явно находился под впечатлением бума археологических открытий XIX–XX вв. (раскопок Шлимана, Эванса, Масперо, Б. Грозного и др.). Но в его цикле о Конане все эти «чудеса археологии» смешаны в невообразимую кашу, приправленную мистикой и эротикой. Ефремов же в своих повестях о древности всегда использует реальные факты, памятники материальной культуры и документы. Попробуем проанализировать обе его повести именно с этой точки зрения.

Итак, первая часть повествует о Египте времен IV династии (период так называемого Древнего царства). Как ни странно в печати она появилась позднее второй. Что же стало препятствием для быстрой публикации «Путешествия Баурджеда»?

Как замечает основатель российской египтологии Б. А. Тураев: «Никогда еще в истории человечества вся государственная жизнь не была до такой степени сосредоточена около «вечной резиденции» царя – могилы, как при... Хеопсе и Хефрене»⁵⁵.

Но, начнём читать с первой страницы – сцену охоты вестников Великого Дома (древнеегипетское «пер-о», отсюда

⁵⁴ Цит. по: Off-lain интервью с Борисом Стругацким [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusf.ru/abs/int_t15.htm.

⁵⁵ Тураев Б. А. История Древнего Востока. М., 1936. С. 176.

греческое искажение – «фараон») за корабельным плотником Антефом – и в памяти читателя сразу возникают воспоминания о сталинских репрессиях. Антефа ловят, словно идёт погоня за антилопой, а гости, сидя в соседнем доме, словно ничего не слышат. Толпа на улице объединилась в жажду преследования. Несмотря на антураж Древнего Египта, сцена явно вызывала у современников неоднозначные ассоциации. Потребовалось целых восемь лет, прежде чем уже готовая повесть увидела свет.

Первая часть дилогии начинается в храме Тота (в Древнем Египте Тот – бог письма и мудрости, «открыватель путей» в иноплеменные страны он же визирь верховного бога-солнца – Ра). Жрецы храма открывают фараону Джедефре завещание Имхотепа – первого министра фараона Джосера. Практически все персонажи реальны. Джосер – фараон III династии, строитель самой первой ступенчатой пирамиды, его зодчий Имхотеп – в «текстах пирамид» наделен божественными тайными знаниями. Имхотеп рассказывает фараону об окружающих Та-Кем (в просторечии Кемт-черная, так называли обитатели Древнего Египта свою страну): «Жрец свободно разбирал особый, секретный шрифт, которым иногда делались надписи, составлявшие тайну для непосвященных. Он быстро и громко начал чтение. В душной темноте подземелья, под глухое потрескивание светильников звучали отрывистые, иногда щелкающие звуки языка Та-Кем, выразившие последнюю волю умершего более ста лет назад Джосера.

– «...Я был в моем дворце в великом беспокойстве, – читал жрец, – ибо река не поднималась семь лет и страна находилась в величайшей нужде. Тогда я собрался с сердцем и спросил премудрого Имхотепа, где находится родина Хапи (так называли египтяне Нил) и какой бог там правит. Имхотеп ответил: «Мне необходимо обратиться к богу. Я должен пойти в хранилище Тота и справиться в «Душах Ра». Он пошел и вскоре вернулся и рассказал мне о поднятии реки и о всех вещах, с этим связанных: он открыл мне чудеса, к которым не был еще указан путь никому из царей изначала...» (В тексте цитируется подлинная надпись в переводе академика Б. А. Тураева. – *Прим. авт.*)

«Жрец сделал паузу. Фараон быстро спросил:

– Разве Нетерхет-Джосер не ходил по прекрасным путям, по которым ходят достойные? Почему мудрец открыл ему тайны только в большой беде?

Взгляд жреца стал тяжелым и пристальным, он погрузил его, словно копье, в глаза Джедефра.

– Великое знание, – медленно заговорил он, – опасно, если открыто для не умеющих держать сердце свое. И мудрец, если царь не пойдет по дороге бога, может много исправить...

Джедефра шумно вздохнул, загораясь гневом.

Жрец поспешно закончил:

– Великий Имхотеп открыл царю тайны в час бедствия. Раньше в этом не было нужды...

Джедефра сдержал себя и знаком велел жрецу читать дальше.

Голос жреца развертывал перед фараоном волшебные дали неведомых стран. Джедефра узнал, что жизнь его страны – могучая река Хапи – вовсе не вытекает из двух пещер на краю Великой Дуги. Далеко на юге она берет свое начало в беспредельных болотах, а из гор таинственного Та-Нутер течет вторая река прозрачно-голубой воды (Голубой Нил), которая вливается в Хапи выше последней шестой ступени. Дожди необычайной силы льют в стране Пунт все время наводнения, и голубая река дает тот подъем воды на двенадцать локтей, от которого зависит жизнь его страны. Если воды поднимаются на два локтя ниже – страна Та-Кем обрекается на голод. Шесть огромных каменных ступеней-порогов ведут к месту слияния обеих рек; первый – у границ Кемт, на острове Неб.

И еще узнал фараон Джедефра, что мир велик и населен множеством народов. За песками восточных пустынь, между двумя могучими реками, живет оседлый и многочисленный народ, не уступающий в познаниях народу Та-Кем (Шумеро – вавилонская культура в Двуречье.). Позади Та-Кем, на Великом Зеленом море есть большая страна с многочисленным населением. Там есть города с величественными постройками (так называемая Минойская культура на острове Крит). Таинственные обитатели этих городов покрывают стены

непонятными письменами, создают искусные изображения зверей и людей.

– «Нетерхет-Джосер говорит для своих потомков, повелевая им помнить об этом. В трудный час Черной Земли можно повернуть силы Кемт на покорение стран, и народы их отдадут свои богатства.

Тяжелы пути по земле – только Великая Дуга, покоряясь смелым сердцам, пронесит людей на необъятные расстояния и соединяет их между собою. В покорении Великой Дуги – будущее счастье земли Кемт, в познании всей необъятности мира – ее мудрость, в хорошем и многочисленном флоте – сила. Строй суда, способные бороться с морем, как то открыто мне премудростью Имхотепа...»

Автор смело добавляет к подлинным «текстам пирамид» вымышленные слова завещания, но соответствуют ли они уровню знаний древних египтян? То есть, каков в цитировании источников уровень вымысла? Историки утверждают: «Древнейшее общество Нильской долины уже не может рассматриваться в своем развитии изолировано от окружающих его районов... можно смело говорить о единстве социально-экономического развития всей Северной Африки, в том числе Палестины и Сирии»⁵⁶.

Таким образом, инициатор первого путешествия египетских кораблей на юг по Красному морю («Лазурным водам») сам фараон. Естественно, что в сверхцентрализованном и сверхбюрократизированном государстве иного быть и не могло. Теперь об инициаторе. Чешский историк-популяризатор В. Замаровский указывает: «Фараон IV династии Джедефра – одна из загадочнейших личностей на египетском троне. В «списках царей» его имя стоит между двумя «строителями» высочайших пирамид Хуфу (греч. Хеопсом) и Хафра (греч. Хефреном). Некоторые египтологи высказывали предположение, что он

⁵⁶ Струве В. В. Примечания к монографии Б. Н. Тураева «История Древнего Востока». С. 174.

был сыном Хуфу от ливийской супруги и, предположительно став узурпатором, правил восемь лет»⁵⁷.

По более поздним, уточняющим данным Джедефра (Раджедеф) – правил ок. 2566–2558 до н. э. Он, действительно был наследником и сыном Хуфу (Хеопса). Так называемый туринский папирус тоже отводит ему 8 лет, но самая поздняя засвидетельствованная дата его правления – 11-й счёт скота, следовательно, он правил не менее 11 лет (или 23 года, так как счёт скота производился раз в два года).

Собственно так и выстраивает Ефремов биографию героя, и также заканчивает его насильственной смертью. Змаровский указывает, что «некоторые надгробные надписи указывают на смуты, а также на то, что пирамида Джедефра не была окончена и вскоре после его насильственной смерти подверглась разграблению»⁵⁸. Известны два изображения головы Джедефра, оба из кремня, что соответствует выражению лица владыки. От кирпичного заупокойного храма почти ничего не осталось. Около храма, в траншее десятиметровой глубины, предназначенной для царской «солнечной ладьи», были найдены обломки, в которых легко можно узнать фрагменты статуй, разбитых, без сомнения, умышленно и одновременно. Разбитые изваяния Джедефра, возможно, свидетельствуют о междоусобной борьбе двух братьев, закончившейся победой Хафра⁵⁹.

Собственно «династическая» часть ефремовского «Путешествия Бауджерда» и заканчивается убийством фараона. А уже после прибытия бывший казначей покойного и рассказывает историю открытия сказочной страны Пунт. Семь лет длилось путешествие, многие погибли в тяжёлом плавании. Смелчаки достигли страны Пунт (территория нынешнего Сомали), а пешие отряды достигли реки Замбези и озера Виктория.

Немецкий историк географических открытий Р. Хеннинг в фундаментальном четырехтомнике «Неведомые земли» (1961) подтверждает исторические предположения Ефремо-

⁵⁷ Змаровский В. Их величества пирамиды. М. : Наука, 1986. С. 253, 255.

⁵⁸ Там же. С. 256.

⁵⁹ Там же. С. 253, 255.

ва. Он указывает, что «самым древним путешествием с разведочными целями мы можем считать морскую экспедицию, снаряженную царицей Хашепсут 1501–1484 до н. э.). То есть со времени, изображенного в повести, прошло более тысячи лет и сменилось 14 династий (?!). Но далее Хеннинг оговаривается: «Путешествием с разведочными целями... <это> плавание было только в том смысле, что его участникам поручили разузнать, можно ли... восстановить порванные 300(?) лет назад торговые связи... со страной благовоний. А далее, опять же ссылаясь на Тураева, он утверждает, что: «в гробницах этого времени <IV династии> находят... благовония из Пунта...»⁶⁰.

Так же скупулёзно точно описывает Ефремов и египетские корабли. Изображения на стенах египетских гробниц иллюстрируют главную роль кормчего (штурмана) и мастера большого паруса (вымышленные герои: Уахенеб, Нехси и Антеф – рядовые участники плавания, обеспечившие успех экспедиции). Найденная в 50-х гг. прошлого века прекрасно сохранившаяся полноразмерная погребальная ладья фараона Хуфу из ливанского кедра, ладья возрастом 4200 лет и размером около 44×6,5 м, собрана и выставлена в 1970 г. В 2012 г. найдена вторая ладья, что также служит материальным доказательством фактической достоверности повести, на досках судна есть картуши Джедефра, которые указывают, что именно он распоряжался погребением Хуфу.

Еще после находки первой ладьи знаменитый норвежский путешественник и ученый-антрополог Тур Хейердал, полагал, что судно обладало отличными мореходными качествами и могло плавать не только по Нилу, но и в водах Средиземноморья и даже Атлантики.

А любой современный турист-дайвер может убедиться, что подводный мир Красного моря, его коралловых рифов также описан в повести очень точно и достоверно.

Диалогия отмечена обычным в творчестве Ефремова сочетанием строгих научных данных с богатейшей фантазией. Точное воссоздание исторического, географического и этно-

⁶⁰ Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. 1. М., 1961. С. 25–26.

графического колорита и... явно модернизированные образы героев. И Баурджед и Уахенеб, как и молодой эллинский скульптор Пандион и его друзья-гуманисты, в самом широком и вневременном значении этого слова, Первого из них столкновение с самовластием и насилием приводит к гибели.

«Баурджед шел сюда со странным чувством, не покидавшим его с тех пор, как вернулся он на долгожданную родину. Он точно вырос в страданиях на далеком пути, точно побывал на высоте неба, откуда впервые развернулась перед ним вся необъятность мира, неизмеримая безбрежность Великой Дуги, невероятная протяженность суши.

И горячо любимая родная страна представлялась ему теперь полоской садов перед просторами гор, степей и лесов далекого юга. А гигантские пирамиды! Только он и его спутники, созерцавшие величие исполинских гор Пунта, видят ничтожество постройки, исполненной по приказу фараона. Там, в рядах островерхих горных цепей, пирамиды затерялись бы жалкими холмиками...

Перед мысленным взором Баурджеда пронеслись пройденные им земли, бесконечное море, множество виденных им людей разного цвета кожи, разной жизни, богов и обычаев, вспомнились рассказы о новых странах и селениях там, за достигнутыми пределами.

Величие фараона померкло, фараон не был более богом; впервые предстал он перед Баурджедом только неограниченным смертным властелином своей богатой и могучей, но все же небольшой страны.

Впервые почувствовал Баурджед, как мало мог значить фараон во всем большом мире, как ничтожна воля владыки перед ходом жизни этого необъятного мира. Устои привычных понятий рушились, отзываясь страхом в душе путешественника...

Нерадостно усмехнулся Мен-Кау-Тот <жрец бога знания Тота>:

– Послушай меня, сын мой... Берегись фараона – он ослеплен собственным могуществом. А ты видел большой мир и слишком много знаешь. Фараону не нужно познание далеких стран – весь мир ему лишь средство для собственного возве-

личения, для окончания постройки его высоты. Но он хочет узнать о путях легкого овладения сокровищами стран, лежащих вокруг Черной Земли. Имей его желание в сердце, когда будешь рассказывать о своем путешествии.

И вот как властитель отблагодарил смелого путешественника:

Ты совершил неслыханные подвиги, – медленно заговорил Хафра, – перешел необозримые пространства, и сердце твое крепче красного камня Врат Юга.

– Но ты вернулся с малой добычей, потерял много храбрых воинов и умелых рабов, – продолжал фараон. – Чем же возвеличил ты божественное имя царей Кемт в далеких, посещенных тобою странах?

Баурджед молчал – ему нечего было отвечать.

Хафра помедлил, в то время как чати и верховный жрец одобрительно закивали головами.

– Я не порицаю тебя, – слова фараона тяжело падали на сердце путешественника, – ты выполнил волю моего божественного брата и не мог ничего знать о переменах в Черной Земле. Иначе ты бы вернулся, едва достигнув Пунта, с богатой добычей и сам не подвергся бы лишениям в попытках достичь недостижимого. Мне нужно знать, много ли воинов потребуется, чтобы разбить эти южные страны, хороши ли будут рабы тех племен, много ли драгоценных камней можно взять оттуда для украшения моего храма. Ты еще ничего не сказал об этом.

Негодование стеснило грудь Баурджеда. Он только что пережил снова все величие широкого мира, и надменная самовлюбленность владыки вызвала в нем почти отвращение.

– Великий Дом, сын Гора, – тихо ответил путешественник, – там много разных племен, не объединенных дружбой, и ни одно из них в отдельности не смогло бы противостоять огромному войску Та-Кем. Но южная земля велика, и людей там, как песка в западной пустыне, – все войско, весь народ Черной Земли растворился бы в ней подобно горсти соли, брошенной в воду. Мы не могли бы удержать завоеванного, ибо наша сила велика, покамест мы все вместе на нашей земле, как муравьи в муравейнике...

– Ты хочешь сказать, – гневно перебил фараон, – что мне и моему избранному богами народу не подвластны земли жалких негров? Вот как ты укреплял величие фараона в далеком Пунте!

– Сын Гора, жизнь, здоровье, сила, – поспешно ответил Баурджед, – я только хотел сказать, что мир так велик...

– Что вся земля Кемт перед ним не более островка в просторах Дельты? – быстро спросил Хафра.

Баурджед утвердительно наклонил голову.

– Может быть, и моя высота, которая станет больше всего, что было и будет создано людьми, покажется тебе лишь ничтожным холмиком? А может быть, ты посмел меня, бога и владыку мира, сравнить с презренными вождями презренных далеких племен? – последовали быстрые вопросы фараона.

Растерявшийся Баурджед прижался лбом к полу.

Фараон отгадал его мысли, еще неясные и смутные, порожденные тоской по свободе и простору минувших лет путешествия.

Хафра замолчал и устремил неподвижный взгляд поверх головы Баурджеда, подняв и сжав челюсти.

Прошло несколько томительных минут.

– Иди домой, – наконец заговорил Хафра. – Завтра утром созовешь своих спутников и передашь им мое запрещение рассказывать сказки о твоём путешествии. Всякого, кто нарушит приказ, постигнет кара. И ты сам запомни мои слова...

Победитель необозримых пространств побрел, спотыкаясь, по прямой пальмовой аллее к воротам дворца...⁶¹

Попробуем включить ассоциативный ряд. Не так ли чувствовали себя в 1945 г. солдаты, прошедшие с боями пол-Европы, но даже под вражеским огнём, ощущавшие свободу и яростную радость жизни?

Во второй части дилогии «На краю Ойкумены» Ефремов обращается к воображаемому светлому образу Древней Греции, к временам, когда понятие личности только зарождалось. Он утверждает в письме к другу-ученому, после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: «Показать духов-

⁶¹ Ефремов И. // Собр. соч. В 3 т. Т. 2. С. 88–90.

ную красоту человека – с этого стоит начать... Только одно можно противопоставить массовому уничтожению людей, Только одно будет по-настоящему действенно: надо проращивать в сознании народов представление о ценности каждой личности⁶².

Повести «Великой дуги» объединены общим местом действия (Древний Египет), некоторыми историческими событиями и артефактом – драгоценным голубым бериллом. Без преувеличения можно сказать, что для тех лет диалогия стала ярчайшим образцом жанра исторической повести.

«На краю Ойкумены» – второе обращение Ефремова к Древней Греции, первое – рассказ «Эллинский секрет», написанный в годы войны, но сразу не опубликованный из-за «мистической» идеи памяти поколений. Он был напечатан лишь в 1966 г., после развития этой идеи в опытах с памятью таежного охотника в «Лезвии бритвы». Вероятно, одновременно с «Ойкуменой» был написан рассказ «Каллиройя», увидевший свет лишь в 2007 г.

Повесть переносит читателя из Древнего царства на полторы с лишним тысячи лет вперед, в эпоху архаической (гомеровской) Греции, предшествующей расцвету ее культуры. Это самый «темный» для историков период и автор отнюдь не идеализирует его. Пандион – молодой художник с берегов Коринфского залива, хочет понять секреты древних скульпторов, его учитель Агенор показывает ему статуэтку критской богини со змеями: «Чувствовалось, что эта статуэтка – создание великого мастера. Особенно привлекало внимание странно равнодушное лицо статуэтки – плосковатое и широкое, с тяжело обозначенными скулами, с толстыми губами, со слегка выдающейся вперед нижней частью. Прямые широкие брови усиливали выражение равнодушия на лице женщины, но пышная грудь высоко вздымалась, точно в нетерпеливом вздохе. Пандион оцепенел. «Если бы он обладал искусством неизвестного мастера! Если бы резец его мог с такой же точностью и изяществом передавать форму, оживавшую под розовато-желтой поверхностью старой кости!» (надо отметить,

⁶² Чудинов П. К. Указ. соч. С. 28.

что Ефремов останется верен своему писательскому методу и в данном случае точно описывает экспонат, хранящийся в музее Гераклиона). Учитель предостерегает от поездки в древние города «ахейского периода», рисуя картину разобщенной страны: «Хотя свежи и яркие краски стенных росписей во дворцах Микен, Тиринфа и Орхомен, хотя по-прежнему по гладким дорогам, выложенным большими белыми камнями, иногда проносятся колесницы богатых землевладельцев, но все больше зарастают травой забвения эти дороги, двory пустующих домов, даже скаты могучих стен. Давно прошли времена богатства, времена далеких плаваний в сказочный Айгюптос. Теперь вокруг этих городов обитают сильные фратрии, обладающие множеством воинов. Их начальники подчинили себе все вокруг на далекие расстояния, захватили города в свои темены, согнули слабые роды и объявили себя властителями страны и людей. Здесь, в Энниаде, еще нет таких могучих вождей, как нет городов и красивых храмов. Но зато там больше рабов – жалких, потерявших свободу мужчин и женщин. И среди них не только пленные, захваченные в чужих странах, но и рабы из своих же сограждан, принадлежащих к бедным родам. И что уж говорить о чужеземных странниках: если не стоит за их плечами могущественная фратрия или племя... или если нет у путешественника многочисленной дружины воинов, тогда только два пути могут быть у странника – смерть или рабство. – Помни, Пандион, – художник схватил юношу за обе руки: – мы живем в суровое и опасное время! Роды и фратрии враждуют между собой, общих законов не существует, вечный страх рабства висит над головой каждого скитальца. Эта прекрасная страна не годится для путешествия. Помни, что, покинув нас, ты будешь на чужбине без очага и закона, всякий может тебя унижить или даже убить...»⁶³.

Пандион все-таки отправляется на Крит, там его захватывают разбойники, он бежит и попадает на корабль финикийцев. Вынужденный прыгнуть в море, Пандион оказывается на берегу Айгюптоса (Египта), где попадает в рабство. По-

⁶³ Здесь и выше: Ефремов И. А. Указ. соч. Т. 2.

сле долгой борьбы несколько десятков пленников, поймав для фараона африканского носорога, смогли стать свободными, но вынуждены были добираться на родину через почти непроходимые леса и степи Центральной Африки. Картины путешествия и охот, как всегда у Ефремова яркие и достоверны. Наверное, следует добавить, что отслеживая, по отзывам на свои ранние рассказы огромный интерес читателей к географии, Ефремов задумался о необходимости издания в СССР журнала, подобного «National Geographic». Он обратился за поддержкой к патриарху российской науки академику В. А. Обручеву, автору научно-фантастических романов «Плутония» и «Земля Санникова». Инициатива Ефремова и Обручева была поддержана, и в конце 1945 г. был воссоздан журнал «Вокруг Света», закрытый в связи с началом войны.

Именно африканские эпизоды приключений Пандиона и его друзей наиболее красочны, разноцветны, полны напряжения и надежды. Сам Ефремов в письме к Дмитриевскому признавался: «Африка для меня – страна первобытности, кусок древнего мира, островок... среди нашей цивилизации, где и живой мир, и растения, и люди хранят в себе черты далекого прошлого планеты. Все усиливающийся с годами интерес к истории постепенно менял планы, в каких представлялась Африка – от наивно романтического интереса к Черному материку до глубокого стремления познать и ощутить прошлое всесторонне, посредством пейзажей, животных, растений и наконец людей Африки; как ключей к воссозданию ретроспективы по живой картине ушедшего мира...»⁶⁴.

Писатель, как и его любимый поэт Николай Гумилёв, был глубоко увлечен Африкой. И именно гумилёвский рефрен пути и подвига слышится в его «Ойкумене...» академик В. М. Жирмунский отмечал, что «искание образов и форм, по своей силе и яркости соответствующих его мироощущению, влечёт Гумилёва к изображению экзотических стран, где в

⁶⁴ Цит. по: Чудинов П. К. Указ. соч. С. 67.

красочных и пёстрых видениях находит зрительное, объективное воплощение его греза»⁶⁵.

Например, у Н. Гумилева:

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

<...>

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

<...>

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются улыбкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

<...>

Дай за это дорогу мне торную,
Там где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.

Н. Гумилев. Шатер. Вступление

У Ефремова: «Вдруг... послышалось глухое хрипенье, громовой рев... низкий звук невероятной силы, казалось исходил из огромной трубы... к... людям подходил большой густогристый лев, а позади него неслышно скользила гибкая тонкая львица...»

Или:

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос,
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:

⁶⁵ Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Н. С. Гумилев: «Pro et contra». СПб., 1995. С. 400.

Море, Красное Море, ты царственно днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!

<...>

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовав небу, ты звезды свои.

Н. Гумилев. Красное Море

У Ефремова: «Все море вокруг было охвачено пламенем, волны крутили и взметывали голубые вспышки, а пенные всплески у носов кораблей рассыпали миллионы золотых огоньков. Каждое весло, опускаясь на воду, рождало вспышку света, и огненная полоса уходила в даль за кормой корабля. Пронизанная светом вода стала прозрачной и легкой, корабль качался в ней, будто брошенный в неведомый мир между водой и небом».

Или:

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
Ровняться с которым осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Н. Гумилев. Жираф

У Ефремова: «Незабываемое зрелище представляло собою большое стадо жирафов... казалось лес, склоняемый ветром, перемещался в ярком свете... Их пестрая шкура – светло-желтая сетка узких полосок, разделенных большими черными неправильными пятнами – удивительно походила на тень от деревьев, под которыми животные были совершенно невидимы... Часто над волнующимся морем травы возникал ряд шей – животные медленно двигались неся на высоте десяти локтей от земли гордые головы с блестящими черными глазами... сдержанные движения жирафов были красивы, безвредные животные вызывали невольную симпатию...»

Глубокая древность бесконечно далека от нас – это понимал писатель, рисуя своих героев. Но едины радость открытия, восхищение творца, восторг победы. Едины узы товарищества. С первобытных времён, только в единстве человек познавал свою силу и доблесть. Из череды поколений выкристаллизовались идеалы дружбы и альтруизма. Иначе человек был обречён – и неизбежно погибал.

Две повести, объединённые несколькими сюжетными линиями. Древние египтяне третьего тысячелетия до нашей эры и завоевавшие свободу рабы, спустя полторы тысячи лет. Полсотни поколений отделяют их друг от друга, но Великая Дуга – Африка – остаётся непознанной и неразгаданной. Ни мысль, ни путешествием охватить её полностью ещё невозможно.

Образы Ефремова многозначны. Но одной из сквозных идей является идея самопознания и его способов. Одним из таких путей для человека являются верные товарищи, произведения искусства как воплощение животворящего образа. Только в «другом» человек может увидеть и понять себя. Человек как представитель определенной культуры осознает себя глубже только при соприкосновении с людьми иных этносов.

Последовательно, неуклонно и многообразно разрушение матрицы «Я-центризма», способности вобрать в себя, эмпатически пережить чувство товарищества, послание, закодированное в произведении искусства, поднявшегося над волнами косной материи. Египет Позднего царства в «Ойкумене» немногим отличается от эпохи пирамид. Накоплена гигантская, отяжеляющая разум и чувства культура угнетения. Жестокая сакральность соединилась с жаждой обогащения. Положение рядовых угнетённых фактически не изменилось. Замкнутая система вырождается, но аппарат насилия работает изощрённо, вспомним сцены усмирения рабов.

Ефремов был убеждён, это ясно из его писем, опубликованных его вдовой и П. Чудиновым, что при Сталине в стране произошла контрреволюция, и относился к его режиму соответственно. В диалогии он сравнивает подневольный «муравьиный» коллективизм древности и подлинно человеческий, полный внутреннего многообразия, свободный коллективизм борцов. Что может быть более невероятного, нежели

объединение эллина, негра и этруска или единство египетского сановника с рабами и бедняками? Тем не менее, их единство выдерживает испытание суровой судьбой, не раз ставившей их на грань жизни и смерти. Автор неуклонно подчёркивает: только в «экзистенциальных» ситуациях предельно обострённых, связанных с риском и мобилизацией всех сил, возможно ясно увидеть себя и другого, познать настоящую цену отношениям. Объединённые товариществом, главные герои обеих повестей собирают вокруг себя других людей и проходят путь, который невозможно было бы совершить в одиночку. И иногда судьба улыбается им за верность себе и друг другу, за устремлённость к поставленной цели.

Связь времён замкнётся, но пока это только Великая Дуга времени. Молодые люди в Эрмитаже, остановившиеся перед поразившей их геммой, ничего не узнали о её происхождении, но надежда остаётся. То, что гемму нашли на территории Украины, на реке Рось, в антском погребении VII в., как бы говорит о её приключениях после того, как Пандион подарил берилл Баурджеда другу-этруску. Эта третья фигура «Ойкумены» – этруск Кави – опытный воин, предводитель восставших рабов. Ефремов, говоря об этрусках, следует исторической традиции, идущей от Геродота, Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия, повествующих о переселении тирренов (или тирсенов – самоназвание этрусков) в Италию из Малой Азии. Кави захвачен в рабство во время военного похода, как известно Египет Нового царства неоднократно воевал с так называемыми народами моря. В своих отрывочных воспоминаниях он говорит о борьбе с кочевниками на берегах холодного моря (видимо, Черного или по-гречески, Понта Эвксинского), т. е. до переселения на Запад Средиземноморья. Современные исследователи так и не дают определенного ответа на вопрос о прародине этрусков, колеблясь между «северной» (заальпийской), балканской и автохтонной версиями. Да и язык этрусских жителей древней Тосканы до сих пор не расшифрован полностью. Здесь Ефремов вполне мог выбрать художественно более близкую ему версию.

От Энниады Пандиона до реки Рось – шаг ещё в полторы тысячи лет, и сопоставимый период отделяет двадцатый век

от седьмого. Как парадокс, можно заметить, что если рассматривать всю дилогию «Великая дуга», то лишь первые две главы из повести о судьбе минерала. В конце концов сам великий минералог Ферсман полагал: возможно, минералы – живые существа, только живущие много медленнее. Это, конечно фантастика, но очень уж метафоричная. Главный герой дилогии – Пандион, изучая искусство Крита, Египта, работает в храмах и развалинах древних городов, и становится мастером, которого признаёт и главный скульптор фараона, и вождь африканского племени, и земляки – эллины. Ефремов исследует пути развития различных культур, осознавая культуру как зеркало этноса.

Искусство – вторая реальность, она вырастает из судьбы всего этноса, его исторических путей. Статичное, надменное искусство Египта, скрытое за «железным занавесом», противостоит открытой всем ветрам раскованной безмятежности Крита (сцена игры с быком, реально отраженная на минойских фресках) и инстинктивной, слитой с могущественной стихией природы, культуре трудовой деятельности, обрядов, ритуальных танцев, музыки африканских народов. Их чувство формы проявляется в работе друга Пандиона Кидого, увлечённо и сметливо творящего образы животных, но недаром в нём не рождалось стремления запечатлеть конкретного человека, Пандион же смог создать скульптурный портрет вождя повелителей слонов. И доходчиво объяснил, почему это непросто. Интересно, что вождь пожелал особо выделить глаза – средоточие личности.

Проникновение в мир индивидуальной психологии – удел более позднего времени. Ефремов сам признавал, что осовременил характеры героев, превратил конкретное время действия повестей в художественную условность. Пандион является у него выразителем духа эллинства, впервые в истории поставившего вопрос индивидуальности и превратившего архаических звериных богов в образы прекрасных людей.

Тема полноты жизни кратко резюмируется после сцены ловли слонов: Пандион задаётся вопросом о цене, которую повелители умных животных платят за своё могущество. Стоит ли это человеческих жизней? Ответ очевиден для Ефремова, понимающего диалектику развития. Без испытаний

не вырастут ни человек, ни общество. Умение проходить через жестокие потрясения и извлекать из них бесценный опыт, переводить его в копилку мудрости – в этом достоинство и одновременно условие могущества человеческого рода.

«Золотоглазый» юноша становится зрелым мужем, исполненным самообладания, точности и внутренней насыщенности каждого жеста. Он проходит через испытания, в числе которых – тяжелейшая контузия после удара носорога. Здесь Ефремов автобиографичен. Его самого после злоключений в Приамурской тайге лечили нанайские женщины, возвращая древними гендерными ритуалами необходимую для физического выздоровления жажду жить. Красавица Ирума невольно начинает олицетворять для Пандиона радость и обновление. Внутренний конфликт едва не завершился трагически. Личное счастье здесь и сейчас вступило в резкую конфронтацию с интересами всех его товарищей. И с подлинными интересами самого Пандиона, который никогда бы не смог всю жизнь провести на чужой земле. Сумел бы молодой эллин сам по себе разрешить ситуацию? – мы видим, что даже непреклонная воля Кави едва смогла помешать непоправимому. Поучительная история для современности, целиком и полностью построенная по законам индивидуализма и мимолётного «хочу», не признающего никаких границ и никаких условностей, хоть бы и связанных с состоянием другого человека.

Героям удаётся вернуться на родину благодаря своему мужеству, целеустремлённости, но и удачному стечению ряда обстоятельств. Позже Ефремов напишет о законе предварительного преодоления препятствий – постройки модели устремления, столь схожей по красочности с реальностью, что она ведёт человека к победе в совершенно невероятных условиях.

«Сыны ветра», вернувшие Пандиона и Кави на родину, – скорее всего, жители южной Испании из основанного финикийцами Кадиса, известного с XII в. до н. э. Среди греков и самих финикийцев бытовала поговорка «Дальше Кадиса пути нет», эти места считали находящимися на краю света. Тем не менее мореплаватели из Кадиса путешествовали не только по Средиземноморью, но и вполне могли оказаться в Гвинейском заливе, на землях племени Кидого. Тот же Хеннинг склонен верить

древним источникам о совершенном финикийцами плавании вокруг Африки по заданию египетского фараона Саисской династии. Особое мировосприятие должно было сформироваться у этого небольшого народа, находящегося на самом кончике цивилизованного мира и вообще – твёрдой земли.

Ситуация «никогда» – главная проблема, стоящая перед человеком. Ефремов прослеживает способы её решения на протяжении почти семи тысячелетий. Оковы мира падают одни за другими, но лишь полная победа над пространством, временем и смертью окончательно выведет людей за пределы инферно.

Творчество Ефремова не забыто, а напротив популярно и в наше время. Учреждены и проводятся ежегодные ефремовские чтения, существует и работает комиссия по литературному и научному наследию писателя, выпущено, наконец, его Полное собрание сочинений. Творчество великого фантаста еще долго будет объектом многих и разнообразных исследований, и в этом отношении очень важно возвращение читателям «забытого» на 18 лет романа «Час Быка», что определенно смещает акцент к социальной значимости актуальности не только этого романа, но и большей – всего его творчества, выходящего за пределы жанра научной фантастики. Наше общество – общество нового тысячелетия определенно несет родовые признаки социума Терманса, не только сталинского режима, но гораздо шире – современного общества безудержного потребительства, эфемерного культа «медиа-звезд», нравственной неразборчивости и социального безразличия.

Если мы остановимся далее на завершающем романе писателя – исторической хронике времен Александра Македонского и, шире, формирующегося нового этапа развития культуры человечества – так называемого эллинизма, т. е. органического слияния греческой классики и культурного богатства народов Востока, то нужно понять, почему главным героем стал не сам завоеватель, а афинянка Таис, о которой хроники говорят очень мало.

Ефремов в предисловии иронически комментирует: «роман...основан на историческом эпизоде: сожжении Персе-

полиса... знаменитой афинской гетерой...эпизод этот одно время отрицался... крупным знатоком эпохи Александра – В. Тарном... М. Уиллер в русском издании книги «Пламя над Персеполем» дает не лишнее юмора объяснение замалчиванию роли Таис...<викторианская> мораль не позволила...придать столь большое значение «жрице любви», как рассматривали <в то время> греческих гетер⁶⁶.

Одним словом, один из «викторианских» поэтов был прав:

Что мужчинам нужна подруга,
Женщинам не понять,
А тех, кто с этим согласен
Не принято в жёны брать.

Р. Киплинг. Мэри Глостер

По Диодору Сицилийскому: «...Одна из присутствующих Фаида по имени, уроженка Аттики, сказала, что из дел, совершенных Александром в Азии, самым прекрасным будет сожжение царского дворца... чтобы отомстить за беззакония, совершенные в эллинских святынях... она после царя первая метнула во дворец зажженный факел... самое удивительное, что за кощунство совершенное Ксерксом, царем персидским на афинском акрополе, отплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен еще в детстве»⁶⁷.

Таис – гетера, но в высоком значении этого слова (по древнегречески – «подруга»), так древние греки чуть ли не обожествляли Аспазию – подругу вождя афинян Перикла. Сам Александр в разговоре с персидским жрецом объясняет ему: «В Элладе все свободные женщины разделяются на жен, хозяек дома и матерей и, с другой стороны, на гетер-подруг. Гетеры знают много разных искусств: танца, умения одеться,развлечь разговором, стихами, могут руководить пирушкой-симпосионом... Гетеры окружены художниками и поэтами, черпающими вдохновение в их красоте. Иначе говоря,

⁶⁶ Здесь и ниже цит. по изданию и далее: Ефремов И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 160.

⁶⁷ Диодор. Историческая библиотека. Кн. 17, гл. 74 «Александрия». Рязань, 2005. С. 457.

гетеры дают мужу возможность приобщиться к красоте жизни, стряхнуть с себя однообразие обычных дел».

Таис – искусная наездница, танцовщица, модель художников, посвященная в «орфические» религиозно-мистические тайны, собеседница великого скульптора Лисиппа и возлюбленная Александра Македонского, затем жена Птолемея Сотера (Спасителя), основателя эллинистического государства в Египте и Александрии Египетской – будущей культурной столицы европейского мира. Да, именно Таис – инициатор уничтожения дворца персидского царя в завоеванном Персеполе. У Ефремова этот дворец – символ рабства и насилия, она мстит персам за пожар и разграбление Афин во время греко-персидских войн.

По Диодору события развивались так: «...Дальше на пути <к Персеполю> они увидели страшное и необычайное зрелище, внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. Навстречу царю шли с ветвями, которые обозначали умаление около 800 эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. Большинство из них были людьми старыми, и все были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей, и без носа. Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы – все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр, не смог даже удержаться слёз...»⁶⁸.

А вот как конструирует или даже реконструирует писатель разговор Александра, Птолемея и Таис.

«Александр понесся к самому ненавистному городу Азии, как он назвал Персеполис. К Александру и Таис, которая ехала чуть приотстав, потрясенная увиденным, подъехал взволнованный Птолемей.

⁶⁸ Диодор. Указ. соч. Кн. 17, гл. 72.

– Как они могли разрушить прекрасные Афины – храмы, стои, фонтаны! Зачем? – спросила в свою очередь Таис.

Александр искоса глянул на Птолемея.

– Что тут ответит мой лучший наблюдатель стран и государств?

– Очень просто, великий царь!

Непривычное титулование не ускользнуло от гетеры.

– Очень просто, – повторил Птолемей, – прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметав, мы ломаем устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо и выпить вина!

– Отлично, друг! – воскликнул Александр. – Ты разве не согласна? – обратился он к гетере.

– Птолемей прав, как обычно, но не во всем. Ксеркс прошел с разрушениями и пожарами через всю Аттику и сжег Акрополь. На следующий год его сатрап Мардоний пришел в Афины и сжег то, что уцелело от Ксеркса.

Птолемей прав – Мардоний жег и разрушал прежде всего храмы, стои и галереи скульптур и картин. Но мои соотечественники не стали ничего восстанавливать: обрушенные стены, почерневшие колонны, разбитые статуи, даже головешки пожарищ оставались до той поры, пока персы не были изгнаны из Эллады. Черные раны на нашей прекрасной земле укрепляли их ненависть и ярость в боях с азиатскими завоевателями. И в битве при Платее они сокрушили их – через долгих тридцать лет! И вот появились Перикл, Аспазия, Фидий, и был создан Парфенон!

– Ты хочешь сказать, что не только само прекрасное, но и лицемерье его поруганья укрепляет душу в народе? – спросил Александр.

– Именно так, царь, – ответила Таис. – Но только в том случае, если народ, сотворивший красоту своей земли, накопивший прекрасное, понимает, чего он лишился!

И афинянка подолгу бродила... по огромным залам дворцов, лестницам и порталам, удивляясь тому, как мало истерты ступени, сточены острые ребра дверных и оконных проемов квадратных колонн. Дворцы Персеполиса, огромные залы приемов и тронных собраний посещались малым числом людей и выглядели совсем новыми, хотя самые ранние дворцовые постройки возведены были почти два века назад. Здесь, у подножия гор... владыки Персии построили особенный город. Не для служения богам, не для славы своей страны, но единственно для возвеличения самих себя.

Гигантские крылатые быки с человеческими лицами... считались портретами пышущих здоровьем и силой царей. Великолепные барельефы львов... прославляли мужество царей-охотников. Кроме крылатых богов и львов, барельефы изображали только вереницы... воинов, пленников, данников..., однообразной чередой тянувшихся на поклонение восседавшему на троне «царю царей». В гигантских дворцовых помещениях поражал переизбыток колонн: по пятьдесят, девяносто и сто в тронных залах – подобие леса, в котором люди блуждали, теряя направление. Было ли это сделано нарочно или от неумения иным способом подпереть крышу, Таис не знала. Ей, дочери Эллады, привыкшей к обилию света, простору храмов и общественных зданий Афин, казалось, что залы для приемов выглядели бы куда величественнее, не будь они так загромождены колоннадой. И еще одно открытие сделала Таис: ни одного изображения женщины не нашлось среди великого множества изваяний. Нарочитое отсутствие целой половины людского рода показалось афинянке вызывающим. Подобно всем странам, где Таис встречалась с угнетением женщин, государство персов должно было впасть в невежество и наплодить трусов. Гетере стали более понятны удивительные победы небольшой армии Александра. Гнев богинь – держательниц судеб, плодородия, радости и здоровья неотвратимо должен был обрушиться на подобную страну. И метавшийся где-то на севере царь персов и его высшие вельможи теперь испили полную чашу кары за чрезмерное возвеличение мужей!

Персеполис не был городом в том смысле, какой вкладывали в это слово эллины, македонцы, финикийцы. Не был он и местонахождением святилищ, подобных Дельфам, Эфесу или Гиераполю.

Персеполис создавался как место, где владыки Ахеменидской державы вершили государственные дела и принимали почести.

Станный город, великолепный и беззащитный, надменный и ослепительный, ...покинутый персидской знатью и богачами...».

И вот на царском пиру Таис просят танцевать:

«Я лучше спою, – ответила гетера.

– Спеть, спеть, Таис будет петь! – закричали со всех сторон.

Таис взяла у музыканта семиструнную китару с колокольчиками и запела ударным гекзаметром старинный гимн о персидской войне, о сожженных Афинах и боевой клятве не служить ничему, кроме войны, пока последний перс не будет выброшен в море. Яростную мелодию Таис пропела с таким диким темпераментом, что многие повскакали с мест, отбивая ногами такт и раскалывая о колонны ценные чаши. Вскоре весь зал загремел боевым напевом. Сам Александр встал с трона, чтобы принять участие в песне. С последним призывом всегда помнить злобу врагов и особенно сатрапа Мардония Таис швырнула китару музыкантам и села, прикрыв лицо руками. Александр поднял ее за локоть вровень со своим лицом. Целуя, он сказал, обращаясь к гостям:

– Какую награду присудим прекрасной Таис?

Таис подняла руку и громко обратилась к Александру:

– Ты знаешь, я никогда не прошу наград и подарков. Но если тебе хочется, разреши сказать речь и не гневайся, если она тебе не понравится.

– Речь! Речь! Таис, речь! – дружно заорали воины.

Александр весело кивнул, выпил неразбавленного вина и снова опустил на трон. Леонтиск и Гефестион расчистили место на столе, но Таис отказалась.

– Человек не должен становиться ногами туда, где он ест. Это привычка варваров! Дайте мне скамью!

Услужливые руки мигом поставили тяжелую скамейку, отделанную слоновой костью. Таис вскочила на нее, похлопала в ладоши, призывая к вниманию. Она могла бы и не делать этого. Все глаза были прикованы к ней.

Гетера начала со слов благодарности Александру за приглашение, Птолемею и Леонтиску за помощь в странствовании и за чудесного коня. Этот конь дал ей возможность... единственной из эллинских женщин совершить поход в пять тысяч стадий до Персеполиса.

– Этот город, – продолжала Таис, – сердце и душа Персии. К моему великому удивлению, кроме сокровищ и роскошных дворцов, здесь нет ни храмов, ни собрания ученых и философов, ни театров, ни гимнасионов. Не созданы статуи и не написаны картины, прославляющие красоту и подвиги богов в образе людей и божественных героев. Кроме надменных толстомордых быков-царей, принимающих дары, и процессий раболепствующих и пленных, здесь нет ничего. Чащи колонн по сорок локтей на платформе в тридцать локтей высоты – все это лишь для того, чтобы возвысить владык унижением подданных. Ради этого здесь трудились искалеченные эллины, ионийцы, македонцы и фракийцы, толпу которых мы встретили? Ради этого Ксеркс со своим злым сатрапом принес кровь и смерть в Элладу, дважды сжигал мои родные Афины, увел в плен тысячи и тысячи искусных мастеров нашей страны? Я здесь одна с вами, героини-победители, повергшие в прах могущество недобрых владык. Я служу богине красоты и знаю, что нет хуже преступления, чем поднять руку на созданное человеком прекрасное. Но если это служит злой власти? Тогда оно всего лишь обман, ибо нет красоты без добра и света!

Таис простерла вперед руки, как бы спрашивая весь зал. Воины одобрительно и грозно загудели. Гетера вдруг выпрямилась, как спущенная тетива.

– Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обиталище сокрушенной вами деспотии! Неужели я одна ношу в своем сердце пожарище Афин? А мучения пленных эллинов, длившиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад?! Неужели божественный

Александр нашел удовольствие усесться на троне разорителя Эллады, будто слуга, забравшийся в покои господина?

Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами, как бичом. Александр вскочил будто ужаленный. Люди оцепенели. Александр молчал, глядя на Таис, склонившую голову, как в ожидании удара.

– Что же ты хочешь, афинянка? – спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

Вся напрягшись в волевом усилии, Таис... подняла на Александра огромные горящие глаза и протянула руку.

– Огня! – звонко крикнула она на весь зал.

Александр обхватил ее за талию, сорвал со скамьи и подвел к стене.

– Возьми! – Он снял факел и подал гетере, сам взял второй.

Таис отстранилась в почтительном поклоне.

– Не мне первой! Начать приличествует тому, чей божественный разум и сила привели нас сюда!

Александр повернулся и повел вдоль стен Таис за руку. Два факела мгновенно подождгли занавеси на окнах, подвески и шнуры, легкие деревянные переплеты для цветов.

Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями восторга и боевыми кликами воины хватили факелы и разбежались по дворцам, поджигая все, разбивая лампы, опрокидывая чаши с горящим жиром и маслом.

Через несколько минут зал Ксеркса, пустая сокровищница и помещения охраны были в огне..., откуда огонь перекинулся (или был перенесен) на жилые дворцы Дария и Ксеркса... Александр, не отпуская руки Таис, сбежал по северной лестнице на городскую площадь. Здесь, окруженный военачальниками, он стоял, зачарованно глядя на титаническое пламя, взвизгивающее в почерневшее небо. Балки крыш и потолков, простоявшие столетия на сухой жаре, вспыхивали, как облитые горючим маслом. Серебряные листы кровли плавилась, низвергаясь ручьями жидкого металла на лестницы и плиты платформы, и, застывая, летели звонкими раскаленными лепешками в пыль городской площади. Пламя ревели и свистело, перекрывая вопли жителей, столпившихся у края площади, боясь приблизиться...»

Современный историк видит в этих действиях царя прагматический смысл. Александр Македонский считал себя, прежде всего пан-эллинским патроном и, сжигая столицу, а не добычу и жилые кварталы, явно посылал свой месседж всем жителям Эллады, как бы «подводя итог вечной вражде Азии и Европы, продемонстрировал официальный лозунг войны, отмщение персам»⁶⁹.

Следующий эпизод, так же известный древним источникам, явно так же пропагандистская акция Македонского. Далее Ефремов практически пересказывает своими словами Диодора: «...К нему <Александр> явилась царица амазонок, по имени Фалестрида... она отличалась красотой и физической силой... оставив войско у границ... она прибыла с 300 амазонками в воинском вооружении. Царь изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка; дитя, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно будет первым в мире по доблести... Александр пришел в восторг, принял царицу и проведя с ней 30 дней, отпустил домой с богатыми дарами...»⁷⁰.

А вот как описывается в «Таис Афинской» эта PR-акция: «По левую, почетную сторону Александра ехала царица амазонок, тоже в золотом вооружении. Народ, затаив дыхание, смотрел на Александра и его прекрасную, как богиня, спутницу. Амазонка в чистой и презрительной наготе сидела на неслыханно красивом коне – золотисто-рыжем, с длинным черным хвостом и гривой, в которые были вплетены золотые нити. Иноходец, небольшой и гибкий, казался ящерицей рядом с громадным Букефалом. Меднокожее тело царицы амазонок стягивал пояс из золотых квадратиков с коротким мечом, спину прикрывала леопардовая шкура, на которой размещались лук и колчан в обрамлении длинных золотистых кос, спадавших из-под назатыльника нестерпимо сверкавшего шлема. Лицо царицы охватывала толстая перевязь шлема,

⁶⁹ См.: Маринович Л. П. Завоевания и держава Александра Македонского // Всемирная история. М. : Наука, Т. 1. С. 515.

⁷⁰ Диодор. Указ. соч., кн. 17, гл. 79.

что вместе с низким козырьком придавало ей воинственный и непреклонный вид. На левой руке, над сгибом локтя, амазонка несла щит с изображением золотого сокола... На шаг позади царицы ехала на темно-пепельной кобыле другая амазонка, темнокожая, в серебряном шлеме, с серебряным вооружением. В центре ее щита извивалась серебряная змея, а из-под шлема горели дикие синие глаза, внимательные и недобрые. В правой руке темнокожая амазонка держала короткое посеребренное копьё. Ее лошадь перебирала ногами, приседала, танцую, взмахивала украшенным серебряными нитями хвостом.

Александр с полководцами и амазонками медленно ехал сквозь толпы народа к южной окраине Персеполиса. Там, на гладком участке степи, построили сиденья и навесы, выровняли площадку для состязаний атлетов, сделали сцену для актеров и танцовщиц. Казалось поразительным, как быстро съехались сюда фокусники, знаменитые музыканты и акробаты...

На перекрестке двух больших улиц знатные персы выделялись пестротой одежд и отсутствием женщин. Состоятельные горожанки, закутанные в легкие покрывала, жались к стенам домов и оград, а рабыни, опережая мужчин, едва не лезли под копыта. Персидская знать восхищенно рассматривала превосходных лошадей и величественных всадников царского окружения.

– Смотри! – воскликнул высокий, воинственного вида человек, обращаясь к приятелю, черты лица которого выдавали примесь индийской крови.

– Я считал, что легенда об амазонках лжива хотя бы потому, что они должны быть столь же кривоноги, как женщины массагетов, от езды верхом с детских лет.

– А теперь ты понял, что посадка амазонок...

– Совсем другая!

– Да, голени их не спущены, а лежат на спине коня, сильно согнуты в коленях, пятки отведены к хребту...

Полуиндиец, замерев, провожал глазами царицу амазонок, удалявшуюся вместе с Александром в другой квартал, где улица была еще шире и многолюдней.

– Эн аристера! (Слева!)

Люди вздрогнули от резкого вопля темнокожей амазонки. Царица мгновенно прикрылась щитом. Громко стукнул тяжелый, с силой брошенный нож. Лошадь черной амазонки сделала рывок налево, раздвинув толпу. Прежде чем кто-либо успел схватить нападавшего, он уже лежал на земле с копьем, глубоко всаженным в ямку над левой ключицей – удар, от которого не было спасения. Таис узнала выучку храма Кибелы.

Еще мгновение – и разъяренные гетайры ворвались в толпу, давя лошадьми всех, кто не успел увернуться. Они окружили веревкой группу зрителей около убитого и погнали в боковую улицу. Двух, которые попытались перепрыгнуть веревку, тут же закололи. Ни малейшего испуга не отразилось на лице царицы. Она беспечно улыбнулась Александру. Царь бросил несколько слов Птолемею, который повернул коня и поскакал за гетайрами».

Опять же сразу приходят на память строки Н. Гумилева:

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.
Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.
И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.
Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.
И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.
Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.
Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.
Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

Н. Гумилев. Царица

Автор еще поведет Александра в горные цепи Азии, а до Агры завоеватель не дойдет, но кто знает, не вспоминал ли Иван Ефремов гумилевские строки, три года странствуя именно по этим пескам, пройдя около 30 тыс. км в неизученных районах Южной Гоби.

Вернемся на минуту к его ранней книге «Дорога ветров»: «Я вышел из юрты... Было самое глухое время – «час Быка» (два часа ночи) – власти злых духов и черного (злого) шаманства по старинным монгольским суевериям. В глубочайшей темноте, затоплявшей ущелье, звонко шелестел по траве и невидимым камням ветер. Сквозь скалистую расщелину на юге горела большая красная звезда – Антарес, и звездный Скорпион вздымал свои сверкающие огоньками клешни. Высоко под звездами мчались длинные полупрозрачные облака. Впервые я отчетливо понял, что успел полюбить эту страну, и теперь душа останется привязанной к ней»⁷¹.

Таис же, по воле автора романа, становится центром притяжения двора Александра, но и здесь художественный вымысел не изменяет исторической достоверности. Диодор описывает, что: «...почти со всех концов Ойкумены пришли посольства...из Европы и Ливии, явились представители... всех народов, живущих вплоть до Геракловых столбов, <a

⁷¹ Ефремов И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 89.

также> отправили послов эллинские города...»⁷². Таис беседует с Лисиппом – тоже «орфиком» высокой степени, его учениками, поэтами и певцами (их имена упоминают и Аппиан, и Плутарх). То есть мы видим, центр формирующегося эллинистического мира. Здесь писатель сознательно допускает историческую неточность, упомянув об этом в предисловии. Персонажи романа: Лисипп и индийские философы, не могли обсуждать статую Венеры Милосской, так как она была создана лишь два века спустя. А внимательные читатели нашли и еще несколько погрешностей:

– В эпизоде в храме Эриду жрец рассказывает героине о каббале, которая появилась лишь по прошествии шестнадцати веков в XII веке н. э.

– В сцене разговора с Птолемеем перед отъездом из Египта царь рассказывает Таис о Риме, красочно описывая бои гладиаторов, впервые увиденные самими римлянами спустя двадцать лет после смерти Птолемея Сотера в 264 г. до н. э.

– В сцене разговора с Лисиппом в Экбатанах, скульптор говорит Таис, что Анаксимандр Милетский считал, что Земля является шаром, хотя в действительности философ и его последователи полагали, что Земля имеет форму цилиндра.

– Аристотель, вообще представленный в романе в достаточно негативном свете и изображённый со слов других персонажей, (сам философ лишь эпизодически появляется в начале романа) как убеждённый сторонник концепции плоской Земли, на самом деле в 330 г. до н. э. привёл доказательства сферичности Земли, основанные на изменении линии горизонта и положения созвездий в различных широтах, наблюдаемые моряками.

– Упомянутые в книге китайские изобретения и открытия были сделаны много лет спустя после эпохи Александра Македонского, иные – в средневековье. Но это несколько не отменяет познавательной, а, главное, художественной ценности романа.

Таис Афинская в романе – душа эллинизма. И мироощущение творца этой эпохи даётся в женском преломлении:

⁷² Диодор. Кн. 17, гл. 114.

акцентируется всё софийное, вечное – отбрасывается энтропийное, преходящее. И если в апологии Вечной Женственности, мы видим эллинизм, несомненно, романтизированный, то в личности великого путешественника и жестокого завоевателя мы видим «движителя» нового исторического измерения.

Александр Македонский у Ефремова (именно «романный», а не исторический Александр!) мыслит во всечеловеческих категориях и опережает своё время. Вот два изоморфных друг другу примера того, как дерзкие прорывы в будущее кончаются трагедией:

– монотеистическая революция Эхнатона (в «Ойкумене» автор, устами египтянина вспоминает «Фараона-отступника, проклятого богами»);

– глобализм Александра Македонского.

Ефремов находил в Александре Македонском определённое созвучие со своим строем мыслей. Для него это не просто герой романа, а как бы союзник или напарник в общем деле, направленном на «высветление» человечества. Последняя книга писателя, с визионерской яркостью воссоздающая эпоху эллинизма, уникальна тем, что её глубинной основой является синергия автора и героя – Ивана Ефремова и Александра Македонского. Эпоха эллинизма полна удивительных предварений. Разве нельзя Александра Македонского назвать евразийцем? Это понятие мы связываем с русской мыслью. Философ Ю. Линник обращает внимание на один очень важный момент: «...глубинную аналогию между Элладой и Россией: обе страны в равной степени могут называться Евразией – малоазийская колонизация в чём-то созвучна нашей зауральской экспансии. В обоих случаях европейское сознание осуществляло контакт с другим менталитетом. И при этом обнаружило свою толерантность – как эллины, так и русские обладали широтой души, исключаящей ксенофобию. Созданные ими империи в свои золотые часы – увы, очень короткие! – реально воплощали дух соборного синтеза. Лучшее из этого опыта наверняка будет востребовано грядущими поколениями. «Евразийство» Александра Македонского своеобразно:

– он решительно уравнивает в правах «эллинов» и «варваров» (европейцев и азиатов – при проекции проблемы на наше время);

– всячески приветствует и поощряет реальное взаимодействие культур, проявляя универсализм – истинную вселенскость – своего эстетического вкуса;

– но при этом правомерно стремится к тому, чтобы Эллада вела первую партию – бережно и тактично подтягивала к своим вершинам другие народы (европейская культура и сегодня остаётся камертоном в духовной полифонии ноосферы)⁷³.

Впрочем, Ефремов, в отличие от «евразийских» концепций, далек от идеализации Александра в романе. Он упоминает и убийства, совершенные царем в гневе и даже варварское разрушение вавилонской башни Этеменанки, на взгляд Таис, «немыслимое для истинного эллина».

Походы Александра Македонского вызвали к жизни беспрецедентное явление, которое можно назвать интерференцией эстетических канонов – художественная мера Эллады проявилась на египетском, иранском, индийском субстрате. Порыв македонца был похож на своего рода прививку: греческий гений оплодотворил другие культурные традиции – и это никак нельзя было сделать через насилие, или, точнее, только через насилие. Лишь в редчайших случаях мы наблюдаем реакцию отторжения. Типично другое: органический симбиоз – полнота взаимопронизания. Достаточно вспомнить искусство индийских храмов Гандхары. Ведь это поразительно: европейская стилистика и буддийское содержание являют свою совместимость – красота преодолевает барьеры, разделяющие существенно различные модели мира и системы ценностей. О романе «Таис Афинская» без преувеличений можно сказать так: здесь выдвинуты на первый план именно духовно-эстетические последствия походов Александра Македонского. Экспедиции Н. К. Рериха будут неоднократно их обнаруживать. Вот три имени, которые хочется поставить в

⁷³ Цит. по: Линник Ю. И. Образ Александра Македонского в творчестве Ивана Ефремова [Электронный ресурс]. URL: <http://noogen.su/iefremov/about/linnik-alexandr.htm>.

один ряд: Александр Македонский – Николай Рерих – Иван Ефремов. Инвариантами здесь будут и планетарность мышления, и специфический панэстетизм. Сколь ни разнятся три этих фигуры, но их роднит орфическое понимание искусства как преобразующей силы.

Ефремова волновала проблема связи религий. В романе между ними наведено множество мостов. Все они образуют сложную систему, выявление архитектоники которой – очень трудная и интересная задача. Александр Македонский и тут даёт писателю точку опоры. В чём-то он предвосхищает и Бахауллу (основатель религии бохаи, призывающей к всеобщему миру. – *О. В.*) и Рамакришну (крупнейшего реформатора индуизма. – *О. В.*). Его внутреннему взору уже открылись единые корни разных религий. Показательно, что он принимает для себя как бы двойную генеалогию: возводит свой род к Ахиллу и Гераклу – и вместе с тем верит в отцовство Амона. Греческая и египетская линии – в их мифологическом выражении – образуют кроссинговер. Причём в этом соединении нет никакой эклектики – в Александре Македонском всё органично и подлинно. На страницах романа Ефремова мы несколько раз встречаемся с термином «гомонайя». Семантику его можно раскрыть так: равенство в разуме всех людей. Это главная категория в социальной философии Александра Македонского. Ему были ненавистны и кастовые, и этнические, и конфессиональные перегородки и царь, нередко жестоко, сметал их на своём пути. Но гуманистическому сознанию Ефремова импонирует не насилие, но ценностные установки полководца-преобразователя. В завершающей части романа Александрия называется открытым городом. Сразу возникает ассоциация с открытым обществом! Фактически именно его хотел построить Александр Македонский.

Проблема экстремальности интересовала И. А. Ефремова в разных своих модификациях. Александр Македонский и здесь побуждает его к философическим размышлениям. Предел Ойкумены: вот к чему стремился Александр Македонский. Но как плохо тогда знали географию! Экстремум всё время отодвигался вдаль – колоссальные усилия не достигали цели. В чисто формальном плане задача была поставлена

некорректно, за что и упрекают учителя Александра – Аристотеля, основоположника европейского рационализма, индийские мудрецы. Однако нам важен максимализм Александра Македонского как таковой: его способность к всевмещению – всеохватность его планов – его всечеловеческие горизонты. Он хотел превратить мир в гармонический континуум, нигде не прерывающийся локусами тьмы и зла. Пусть это утопия. И пусть маленький Уранополис (реально существовавший), попытавшийся её осуществить, был обречён на гибель, вместе с ним гибнет и Таис. Но человечество благодаря Александру Македонскому получило идеал невероятной красоты и притягательности. Конечно, Ефремов сближал его с коммунистическим идеалом, но идеал «свободного» и «гармоничного», а не дисгармоничного (как современное) общества может обрести новую жизнь. От очередного провала ему удастся уйти лишь в том случае, если общество будет ориентироваться на таких его носителей, как Иван Антонович Ефремов, – пока мы от этого крайне далеки.

Заключение

Данное пособие можно рассматривать как один из образцов исторических исследований в контексте изучения того, что мы обозначили в начале текста как исследования памяти («memory studies»). Проблема исторической памяти вышла на первый план общественной жизни и научных исследований. Идеи обращения к истокам, следования традиции, сохранения памяти прочно вошли в лексикон политиков, религиозных деятелей, журналистов. Они также используются и в государственном дискурсе на уровне законодательства, административной практики, государственного и муниципального бюджетирования. Также растет интерес простых людей к истории собственной семьи, города, края. История превращается из занятия профессионалов в публичную деятельность. Дискутируется вопрос о том насколько занятия «публичной историей» можно рассматривать как часть профессиональной деятельности ученых-историков. Большое распространение получают различные виды литературы, использующие исторические нарративы. Такой же всплеск интереса к исторической тематике происходит и в индустрии кино.

Отдельного упоминания заслуживает проблема «исторической политики» или политики памяти. Современные историки понимают под этим механизмы использования истории, манипуляции ею в чьих-либо интересах. Особую актуальность данный процесс имеет для молодых государств, возникающих после распада СССР и претендующих на создание новых наций со своей собственной историей. Это новое восприятие прошлого естественно отражается на уровне культуры, образования, государственной и общественной политики в целом. Значимые маркеры этих процессов можно найти на страницах учебников, в мемориальной политике, в создании новых или консервации старых праздников, в исторических фильмах, в исторических дискуссиях в электронных и печатных СМИ, Интернете. Все эти процессы имеют разное измерение и проявляются по-своему как на мировом уровне, так и на уровне отдельных стран. Современное российское общество полностью вписывается в эти процессы. Споры о

дореволюционном и советском прошлом, поиски национальной идеи, взрыв интереса к собственному прошлому, дискуссии о школьных исторических учебниках, использование исторических аргументов в политических программах, формирование исторической политики на уровне государства, – вот далеко не полный перечень соответствующих реалий. Фрагментарность пространства памяти – естественное её состояние, как естественно и сосуществование разных миров памяти в одном социальном пространстве. Но важно, какие тенденции преобладают в их сосуществовании – взаимное согласование и расширение за счет друг друга или стремление к иерархии, настаивание на особых правах и приоритете. Очень интересным является исследование взаимодействия литературы и истории на разных этапах в этом контексте. Прежнее противопоставление вымысла и факта с этой точки зрения не является эвристичным для исследования различных модусов бытования истории в обществе. Историческая реальность и различные способы ее социального конструирования тесно переплетены.

В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Вопросы и задания по курсу

1. Опишите специфику литературного жанра исторического романа.
2. Проанализируйте концепцию «монголо-татарского ига» на примерах из трилогии В. Яна «К “последнему морю”».
3. Опишите образ Чингисхана по В. Яну. Сравните интерпретацию В. Яна и другие интерпретации этого исторического героя (И. Калашников, современные фильмы и др.)
4. Приведите примеры воссоздания исторической реальности в творчестве В. Яна.
5. Опишите развитие образа А. Невского в сталинской интерпретации русской истории.
6. Оцените роль текстов С. Бородина в формировании исторической памяти современных центральноазиатских государств. Видите ли Вы какие-либо противоречия в развитии исторической памяти в таких форматах?
7. Укажите и проанализируйте параллели между романом Л. Никулина «России верные сыны» и историческими реалиями международных отношений 40–50 гг. XX в.
8. В чем проявляется специфика романа И. Ефремова «Час быка» по сравнению с другими фантастическими произведениями автора?
9. Проанализируйте образ Африки в исторических произведениях И. Ефремова.
10. В чем специфика интерпретации эпохи эллинизма в романе И. Ефремова «Таис Афинская»?

Рекомендуемая литература

Бахтин М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М. : Художеств. лит., 1986. – 543 с.

Благой Д. Исторический роман [Электронный ресурс] / Д. Благой // Литературная энциклопедия : слов. лит. терминов : в 2 т. – М. ; Л., 1925. – Т. 1. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm>.

Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / сост. Л. В. Максименков. — М. : Междунар. фонд «Демократия» : Материк, 2005. – 750 с.

Бородин С. П. Собр. соч. : в 6 т. / С. П. Бородин. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1973–1977.

Гройс Б. Утопия и обмен / Борис Гройс. – М. : Знак, 1993. – 374 с.

Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Е. Добренко. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1993. – 410 с.

Добренко Е. Формовка советского читателя / Е. Добренко. – М. : Академ. проект, 1997. – 321 с. – (Современная западная русистика).

Ефремов И. Собр. соч. : в 3 т. / И. Ефремов. – М. : Мол. гвардия, 1975.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / В. Казак. – М. : РИК «Культура», 1996. – 492 с.

Кларк К. Советский роман. История как ритуал / К. Кларк. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 262 с.

Никулин Л. Избр. произведения : в 2 т. / Л. Никулин. – М. : Худож. лит., 1979. – 917 с.

Смирнов И. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И. Смирнов. – М. : Нов. лит. обозрение, 1994. – 351 с.

Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб. : Академ. проект, 2000. – 1040 с.

Ян В. Собр. соч. : в 3 т. / В. Ян. – М., 1989.